

Психологические перспективы потенциализации креативного лидерства трансфессионала в университетском образовании (Кабрин В.И., Галажинский Э.В.) // Новые психологические контексты становления личности в меняющемся мире /под. ред. Э.В. Галажинского, В.И. Кабрина. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. С. 11 – 69.

Введение

Удачное определение культурного значения социальной психологии, сделанное К. Дж. Герген в статье «Социальная психология как история» (Герген, 2003), когда ее открытия становились на глазах одного поколения его стереотипами, нормами и ценностями, – уже уходит в прошлое. Современная информационно-технологическая эволюция, похожая на взрыв, вызывает ощущения, что «прервалась связь времен». *Личность трансфессионала*, казалось ушедшая в историю (Леонардо, М. Ломоносов и пр. выдающиеся деятели прошлого), возвращается как вызов времени на новом транскультуральном, транскоммунитивном и трансперсональном уровнях. Поиск путей реорганизации университетского образования в направлении творческого междисциплинарного и межпрофессионального синтеза для решения не только комплексных фундаментальных научных проблем, но и ускоренного внедрения полученных моделей в комплексные технологические производственные проекты – это уже тренд последних лет (Генисаретский, 2016; Галажинский, 2009, 2015, 2016).

Если следовать весьма устойчивой культурно-исторической миссии университета, сформулированной К. Ясперсом еще в кризисные военные годы (Ясперс, 2006) важно переосмыслить глубинный социально-психологический аспект проблемы. В контексте трансфессионального образования и практического решения комплексных проблем узкий специалист неизбежно выходит за рамки сугубо профессиональных компетенций. Попадая в трансфессиональное пространство интегральной проблематики, он неизбежно становится на какое-то время дилетантом для других профессионалов, которых он воспринимает как дилетантов в своей профессии. Это сложная и важная для профессионально-личностного роста задача.

• Нужно освоить новый тип творческой коммуникации в трансфессиональном пространстве, которому нужно научиться уважать смежные профессии не меньше, чем свою, вникая в суть и не путаясь в частностях.

• Этому содействует формирование взаимной толерантности к дилетантам.

• Чтобы указанные изменения не были поверхностно-декларативными, необходима креативная инициатива в столкновении с неожиданным;

• В это же время, для того, чтобы делать конструктивный вклад в общее трансфессиональное решение, важна лидерская позиция в отстаивании своих, даже интуитивно дилетантских и неожиданных для других предложений.

В трансфессиональной коммуникации чаще возникают *встречи с неожиданно новым*, развивающие, таким образом, *потенциал креативного лидерства трансфессионала как главный фактор его самореализации*.

Подробно он будет рассмотрен в третьем и четвертых разделах нашей главы. Первичными социокультурными и социально-психологическими контекстами, без которых невозможна реализация нового типа трансфессионального образования, будут *новый тип сознания и новый тип мировоззрения*. Прораствание нового типа сознания в соответствии с освоением все более динамичных процессов реальности, будет заключаться, на наш взгляд, в переносе акцентов и переходе от традиционных и уже

инертных рационалистических оснований Номосариенскоэтическим, ноодинамическим акцентом, связанным с развитием *интуитивного ума* или *творческой интуиции* HomoNoeticus. Эту будет посвящен первый раздел работы.

Основание развития нового типа мировоззрения в связи с новым типом сознания мы видим в переживающем свой ренессанс *холистическом, холодинамическом подходе*, открывающем удивительное единство *свободы случая* и *гармонии красоты*. Этот подход проходит сквозной нитью через все разделы работы.

Культурно-исторические эмерджентии сознания в ноэтической перспективе

Очередной техногенный взрыв цивилизации уже активно используется теми, кто намерен своеобразно применить возникшее в результате очень «оцифрованное», «кибернетизированное», «умнеющее на глазах» High-teck–железо. Оно помогает установить все большую власть над человечеством. В этих обстоятельствах обретает особую остроту и «вечно новая» проблема создания благоприятных условий для эволюции и может быть эмерджентии сознания, обеспечивающего перспективу HomoNoeticus. И вновь оказывается (по мнению юнгианцев У. Виртца и Й. Цобели из кн. «Жажда смысла...»): «Изучение сознания – это новый научный тренд... психическое созревание – как эволюция и развертывание сознания. При этом сознание рассматривают как общность опыта и переживания... «абсолютной потенциальности»... самости, мира и абсолюта... дух нашей эпохи лишь теперь выглядит созревшим, чтобы считать внутренний опыт легитимным и научным подходом к исследованию реальности... наука все более обращается к недогматической духовности» (Виртц, Цобели, 2014. С. 8).

А в разделе «Практика ноотерапии» они же заключают: «*Созерцание* подразумевает взгляд больший, чем зрение... видящий и видимое взаимосвязаны... В этом парадоксе возникает возможность погрузиться в суть вещей, т.е. – одновременно – и в собственную суть... Граница между психотерапией и ноотерапией, которую Петцольд называет «переходом», видится нам как граница между частичным и общим смыслом» (*Там же*, с. 243).

В одной из первых репрезентативных антологий по трансперсональной психологии, ее редактор Дж. Уайт пишет: «Прямое восприятие нашей тождественности с бесконечным, эта ноэтическая реализация нашей идентичности с божественным, становится источником всего возможного – счастья, доброты, красоты и истины» (Уайт, 1996. С. 17). Примечательно, что вся книга прямо «Посвящается HomoNoeticus, рождающемуся ныне высшему виду человечества» (*Там же*, с. 7). Измерить или даже вообразить высоту этой поднятой планки для сознания современного гипер-кибер-технологизированного человека возможно ли?

Исторические парадоксы концептуализации сознания. Разговор о проблеме эмерджентии сознания с точки зрения Дж. Уайта о ноэтической реализации нашей высшей идентичности с Абсолютом легче начать с исторических «эмерджентий» в самом понимании сознания. Чувство идентичности с чем-либо уже означает проблеск сознания определенного типа – в данном случае ноэтического (Кабрин, 1999, 2013). В указанном контексте можно лишь констатировать, что 70-80 годах 20 века гомо сапиенс стал осознаваться опасным для себя и планеты техногенными революциями, особенно в сфере взаимоистребления и гиперпотребления. Возможно, опасения были своевременными, поскольку «техногения» не только клонов, но и самих типов сознания для технократов уже стала актуальной задачей, как, например, для стратегического общественного движения «Россия 2045». Но историческая ирония в том, что влечение к идентификации с высшими силами космического масштаба было более острым и естественным в самые древние, архаические, архетипические времена рождения человеческого в человеке.

В отличие от современного человека абсорбированного и защищенного цивилизацией, древнему пра-человеку космос был ближе и значительнее. За

результатирующим чувством космической идентичности я вижу как минимум космическую эмпатию и децентрацию как факторы *коммуникативной инициативы*. Поскольку эти движения души с коммуникативным и сознательным проблеском по сути синхронистичны, даже синтонны, то именно здесь видится начало антропопоза. Если современные исследователи по-прежнему мучаются загадками сознания¹ (Свасьян, 2010б), то обычному человеку достаточно, что он «знает, что знает». Он обычно уже забыл, как в детстве чувствовал, «что знают ведь (Другие), что знаю». Древний человек, как и «архаическое дитя» чувствовал – «знает Он (!), что знаю». Под «Он» понималась любая высшая сущность, которая вообще больше знает и может. Наиболее древние археологические находки мест жертвоприношений, захоронений, пещерных собраний содержат символические изображения охоты, говорящие об изощренных способах отображения присутствия и соучастия высших сил. Упоминание об этих общеизвестных фактах для нас лишь способ формулирования дискуссионной гипотезы: проблеск человеческого сознания непосредственно связан не только с обыденной, но и ритуальной коммуникацией как метакоммуникацией с высшими силами, сущностями, общение с которыми, судя по разнообразию жертвоприношений было особенно значимым.

Современные исследователи метакоммуникации сводят ее просто к «*коммуникации о коммуникации*» (Г. Бейтсон, П. Вацлавик). Однако, всматриваясь в исторический горизонт зари человечества, может быть поставлен вопрос – как такой уровень рефлексии вообще мог возникнуть. Ясно, что речь уже идет как минимум о самосознании как внутренней (обращенной на себя и себе) коммуникации. Не только обычные люди, но и близкие к обсуждаемым вопросам профессионалы (лингвисты, психологи, особенно педагоги) легко включают в устное общение и в письменные тексты такие архаические обороты: «отдают» или «не отдают» люди «*себе отчет*». Педагоги делают автоматические внушения «Отдавай *себе* отчет, что ты себе позволяешь! *Будь сознателен!* (значит и «ответственен» перед кем-то)».

Кто же именно, как, кому и зачем «отдает отчет», какие более содержательные и качественные способы внутренней коммуникации-сознания существуют? Что это за способы, в которых внезапно пробуждается *совесть* бездонной глубины или бесконечной высоты, когда она, молча и гармонично «участвует», когда *метакоммуникация высшего порядка* объемлет общение с самим собой и с другими?

Обозначим несколько исторических акцентов, показывающих парадоксальную нелинейность пути эмерджентий в понимании сознания. Они важны для анализа собственно его *концептуальных* эмерджентий в указанном направлении. Поскольку слова «концепт» и «концептуализация» будут использованы в качестве основных, следует сразу уточнить их специфическую семантику, часто игнорируемую. В отличие от искусственных научных изобретений в виде «терминов», «понятий», «конструктов», «категорий», «маркеров», «дескриптов» и т.п., слово «концепт» означает «естественно творческий» *смысловой зародыш*, естественное *смысловое зерно*. Оно является сутью того, что потом многократно будет обрабатываться в виде термина, понятия, категории и даже теории как элемента или фактора научных построений и технологических конструкций. При этом всегда будет оставаться ностальгия о том, из чего это получено.

«*Концепт* обнаруживает связь с глаголом *concebir* «зачать, забеременеть ... вообразить ... употребляя этот термин стремятся подчеркнуть нестандартность и неокончателность решения... понятия *конструируются*, а концепты существуют сами по себе ... понятия «наивны» в разной степени... И чем понятие ближе к концепту, тем оно менее наивно» (Демьянков, 2007.С. 662).

Один из первых отечественных трансперсоналогов В.В. Налимов приводит мысли Анаксагора, «зачаровывающего, если не сказать таинственного персонажа философии досократиков» (Налимов, 2000.С. 162). Загадка, оставленная им, до сих пор не

¹Здесь сошлемся лишь на веселый обзор К. А. Свасьяна Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. М. : Академический Проект, 2010. 206 с.

концептуализирована и оставляет имплицитный или вполне эксплицированный дуализм в понимании универсума современниками. «Все вещи содержат долю всего. Ум же есть нечто неограниченное и самовластное, и не смешан ни с одной вещью... И все, чему суждено было быть, и все, что было, но чего теперь нет, и все, что есть теперь и будет в будущем – все это упорядочил ум» (Налимов, 2000.С.164). При этом «Вещь и мир не автономны, между ними нет интервалов: все было и есть континуум... в универсуме Анаксагора» – пишет комментатор его трудов Теодорссон (Налимов, 2000.С. 164).

Эту континуальную голографичность универсума при *соучастии* в нем Ноэзиса (Ума) *при несмешиваемости* (!) невозможно объяснить и понять без концепта ноэтической транскомуникации, проходящей через человека. Ранее мы иллюстрировали это фактологически (Кабрин, 2005). Смысл слезы организма человека, переживающего смысл истории, написанной уже несуществующим автором, возможен только в контексте транскомуникативной ситуации (возбудить резонанс в Ином подобного по трансмыслу, но несмешиваемого состояния – иначе, это может быть не катарсис, а слеза от соринки); иначе это может быть не катарсис, а слеза, очищающая глаз от соринки. Здесь при наличии явного трансмыслового влияния на органическом уровне мысль остается мыслью со всеми ее ноэтическими качествами, а органическая реакция сохраняется как измененное состояние организма, но уже в *контексте новой ноэтической гармонии*.

Теоретически нет оснований определять границы луча нисходящей ноэтической транскомуникации. Известно, что физики с удивлением обнаружили и зафиксировали факт влияния ноэтического участия наблюдателя на поведение элементарных частиц. ДНК продолжает жизнь любой живой клетки именно коммуникативным образом, т.е. процесс организуется как дублирование (репликация) информации от материнской к дочерней клетке. Стратегическая перспектива исследований начинается с концепта «космического сознания» Р. Бёкка, эквивалентного феноменологии «просветления» и ноэтическому масштабу *экспириентальных* практик (Уайт, 1996). В признаках космического сознания как мгновенного просветления видны признаки восходящей ноэтической транскомуникации. Вот примеры: «поглощенность пламенем или облаком...ощущение того, что разум заполнился таким облаком»; «чувство радости, уверенности, триумфа...интеллектуальное озарение...ясная концепция (видение) в очертаниях смысла и назначения Вселенной...Он видит, что жизнь в человеке вечна...в сердце вещей он был у себя дома»; «прибавление личностного шарма»; «при великих случаях интенсивного озарения перемена во внешнем облике тоже интенсивна и может стать настоящим «преображением»» (Там же.С. 35 – 38). Здесь видны имплицитные косвенные характеристики ноэтической транскомуникации.

Важно, что работа Р. Бекка увидела свет в 1901 г. И это пример смелой сугубо экспириентальной психологии, которая с точки зрения классической позитивистской экспериментальной науки не будет убедительной, а ее влияние продолжает усиливаться.

В концептуальной системе символического интеракционизма Дж. Г. Мида и его последователей эмпирически детализирована система представлений о сознании как внутренней коммуникации между центральными инстанциями сознания человека: «I», «Me» и «Self». Здесь коммуникация внутренне хорошо дифференцирована и артикулирована, рельефно показан онтогенез на основе естественной «интернализации значимых других». Она поучительна и сейчас, но в отличии от ноэтического аспекта, в интеракционизме в дальнейшем сделан акцент на развитии *ролевых концепций личности*, общения и групповой динамики (Mead, 1934).

Синхронно с идеями Дж. Мида развивались идеи «диалогического сознания» М.М. Бахтина и концепция интериоризации высших психических функций в контексте их исходного интерперсонального существования в общении «взрослый – ребенок» Л. С. Выготского. Эти концепции более операциональны и экспериментальны. А потеря трансперсонального видения уже и не рефлексруется. Но еще сохраняется явный

общеантропологический и кросскультурный потенциал исследований, обрамленный более жесткой научной парадигмой.

Но в 1949 году публикуется знаковая монография «Происхождение и развитие сознания» Э. Ноймана – одного из наиболее ярких последователей К.Г. Юнга, работы которого полстолетия готовили почву трансперсонального видения сознания. Во введении Э. Нойман пишет: «Понимание общечеловеческих истоков трансперсональной реальности заставило нас признать относительность нашей собственной позиции...Творческая эволюция сознания личности означает, что в течении непрерывного процесса, растянувшегося на тысячелетия, система сознательного впитывала в себя все больше и больше бессознательного материала и таким образом, шаг за шагом расширяла свои границы.... Каждое историческое исследование...должно поэтому начинаться с трансперсонального...развитие сознания через архетипические стадии – это трансперсональныйфакт, динамическое саморазвертывание психической структуры, возвышающейся над историей человечества и индивида» (Нойман, 1998.С. 11 – 15).

Возможно, эта позиция воспримется сейчас как весьма тенденциозная, но книга системно и богато иллюстрирована фактологически. Автор приходит, например, к таким выводам: «Благодаря символу сознание человека становится одухотворенным и, в конце концов, приходит к самоосознанию... «передающая смысл» функция символов и архетипов имеет также и эмоциональную сторону, и эмоциональность, которую они пробуждают, также является направленной; т.е. она обладает смысловым и организующим характером» (Там же, с. 380). Эти идеи очень созвучны идеям Анаксагора и Платона; здесь имплицитно присутствует неистребимая человеческая интенция к восходящей ноэтическойтранскоммуникации. В этом контексте важно, что «Посредством символа архетипы прорываются через творческую личность в сознательный мир культуры... трансформируют и расширяют жизнь коллектива, предоставляя ему и индивиду основу, которая только и наделяет жизнь смыслом» (Там же, с. 387).

В антологии «Пути за пределы «Эго» – трансперсональная перспектива» (Уолш, Воон, 1996) ориентация на расширение спектра состояний сознания представлена более настойчиво и системно, Р. Уолш и Ф. Воон – ее редакторы – уже во введении делают «два существенных вывода. Во-первых, более высокие состояния сознания, обеспечивающие приобретение новых возможностей, *доступны всем людям*. Во-вторых, обычное состояние сознания, которое мы привыкли считать наилучшим, на самом деле ниже оптимального» (Там же, с. 23).

В то же время в разделе «Загадка сознания» они раскрывают необходимость более глубокой *концептуализации* многомерной и холистической реальности сознания: «одна крайность отбрасывает сознание как фикцию, «имя длянесуществующего». Другая (абсолютный идеализм) провозглашает его фундаментальным основанием реальности... Сознание низводилось до «болезни жизни (Ф. Ницше) и возвеличивалось до бесконечно блаженного состояния...Следовательно, предельная природа сознания *непостижима и немыслима*. Всякая попытка описать эту реальность порождает парадокс...сознание невозможно воспринять или адекватно постичь; его можно познать посредством прямой интуиции. И эта прямая интуиция сознания и трансментальная сфера развивают мудрость... (Там же, с.27 – 29).

Здесь описан спектр антиномий сознания (далеко не полный), требующих концептуализации, которая, однако, еще не рефлексивируется как атрибутивное качество самого сознания. Что пробуждает мысль, мыслеобраз, воображение, образующие поток сознания, как ни сами «парадоксы», противоречия, которыми и живет сознание. «*Концептуальные вспышки*» или *рождающиеся концепты* открывают и символизируют более глубокую и высокую реальность по сравнению с очевидной и обыденной. Без понимания этого, человеку трудно осознать концептуальные открытия и прозрения, которые зовут его к открытию неочевидной, но более яркой реальности измененных состояний сознания (ИСС).

Здесь авторы не назвали главные антиномические концептуальные ядра или смысловые зародыши прямой интуиции и мудрости. Парадоксы, связанные с интуицией, предчувствиями и прозрениями, на протяжении всей истории тревожат и поражают людей. Они представляют собой противоречие между яркостью их переживания и невозможностью уяснить себе и объяснить другим их источник. И тогда отчетливо открывается *фактор доверия* чутью и предчувствию, перерастающий иногда в *интуитивную веру*, видимо в контексте *концепта мудрости*. Этот концепт содержит противоречие между высшим достижением духовного достоинства и пониманием своей малости перед открывающимся величием мира, вызывающего к смирению, жертвенности. Мудрость открывает этим *высшие концепты сознания*, которые *объединяются в совести*, отражающей высшие моменты *транскомуникабельности сознания*.

Однако приближаясь к новейшей истории осознания «сознания» необходимо отметить важные изменения общего социального контекста. Современная информационно-технологическая цивилизация, грозящая «четвертой промышленной революцией» (Schwab, 2016), уже в середине прошлого века вызвала интересные и странные сдвиги в сознании человека, подмеченные тогда же А. Модем. Он связал появление «войлочного сознания» с бурным развитием и влиянием на человека всех каналов массовой коммуникации, особенно телевидения. «Войлочное сознание» качественно отличается от классического энциклопедического сознания, тяготеющего к холистичности и «космизму», крайней дискретностью, фрагментарностью, измельченностью, диффузностью, беспорядочностью. При этом сохраняется ощущение плотности и связанности как беспорядочно спрессованных коротких ворсинок в войлоке (Моль, 2008).

Объединим «войлочную шляпу сознания» человека *медийного* и виртуальную шляпу ярких игровых анимаций укороченного клипового сознания «*Человека-Net*». Вот спонтанное высказывание в интервью одного из самых знаменитых скрипачей и дирижеров XX века, Иегуди Менухина (Менухин, 2010.С. 242) на вопрос: «является ли технология...движущей силой эволюции?» – «нужно принимать во внимание недостатки, которые приобретаются вместе с введением новых технологий ... Например, негативные последствия,...отразившиеся на чтении и письме, –это *потеря памяти и интуиции*...Компьютер в действительности влечет за собой потерю способности к отвлеченному мышлению. Любой прогресс чреват потерями» (Там же, с. 258).

Все эти признаки атрофии *ноэтической ауры сознания*, символизирующей о предназначении человека, вполне могут интерпретироваться как симптомы *кризиса ноэтической экологии* сознания современного человека. Приведу итог увлекательного и дискуссионного «Методологического путешествия по океану бессознательного к таинственному острову сознания» (Аллахвердов, 2003), сформулированный В.М. Аллахвердовым: «естественнонаучному изучению и теоретическому описанию подлежит только работа механизма сознания. А осознаваемое содержание результатов его работы, всегда насыщенное смыслами, может описываться по правилам игры, принятым в гуманитарных науках» (Там же, с. 333). Действительно, сам «механизм» (машина) не может обладать смысловым сознанием.

В результате *новое провозглашение дуальности* жизни механистического сознания, т.е. абсолютизирован тезис о «несмешиваемости» ноэтического и естественного. Тем самым остается нерешенной проблема их континуального единства и организующего начала в нем ноэтического. Сложно сказать, найдена ли нами достаточная концептуализация парадокса Анаксагора, но *онтологически* этот парадокс континуального (бесконечного) единства несмешиваемого просматривается в *транскомуникабельности* органической и ноэтической интенции человека; экспириентальные рефлексии и специальные практики этого общеизвестны (Кабрин, 2005, 2011а, 2011б). В этом случае искусственный разрыв содержательной концептуальности и динамики сознания становится не нужен.

Остается вопрос – так ли такой «неонатуралистический» откат (как в эпоху ренессанса) нелинеен и неслучаен? Если обратить внимание на резкое сближение когнитивных и нейронаук до той степени, что различия между ними многими вновь перестают замечаться, то появление нейро-High-tech-эйфории трансгуманистов уже не выглядит случайным.

Эта тенденция не помешала В.Е. Ключко развернуть интересную схему семимерного мира человека (Ключко, 2005). На основе дополнения к четырехмерному физическому пространству-времени трех системно-уровневых измерений сознания – предметного (значимого), смыслового и ценностного получается с точки зрения науки XX столетия постнеклассическая модель бытия человека.

Правда, это видение человеческого бытия остается до-трансперсональным, поскольку высший его горизонт – ценностный – остается привычно «закрепленным в культуре». И, тогда, «...пространство, сближающее человека с другими людьми в силу тождественности их миров... определяется единым источником, из которого вычерпываются ценности. Этим источником является культура как совокупный общественный продукт исторического развития цивилизации» (Там же, с. 150). К счастью или сожалению здесь проблема концептуализации ценностно-смысловых парадоксов в сознании человека культуры «как совокупного общественного продукта» не возникает. В то же время уже у ребенка после 12 лет в связи с «актуализацией потребности в самореализации и саморазвитии... к разрешению противоречий между «хочу» и «могу» подключится и мышление... если понимать его как проявление творчества, направленного на созидание себя как целостности в случае глубинного расхождения между образом жизни и образом мира» (Там же, с. 151). Таким образом, возникновение антиномической концептуализации в сознании развивающейся личности определенно предполагается.

Завершая этот интуитивно избирательный экскурс в исторические эмерджентии возможных концептуализаций сознания, остановимся на последней по хронологии крупной монографии В.Ф. Петренко «Многомерное сознание: психосемантическая парадигма». Это живая энциклопедия возможных конструктивно-концептуальных эмерджентий в очень разных измерениях, которые могут восприниматься как разнокачественные порталы. Обращает внимание иное видение различий между динамической и содержательной сторонами сознания: «Психосемантика как родственная ей психолингвистика исследует формы существования значения в человеческом сознании, но если интерес психолингвистики сосредоточен в первую очередь на проблемах порождения речевого высказывания, то психосемантика рассматривает главным образом содержание сознания...» (Петренко, 2010.С. 58).

Здесь легко увидеть, что перспектива концептуализации сознания находится на пересечении этих дисциплин, когда открываются взаимозависимости между содержанием и формой выражения значимых идей и мыслей. Это выразительно показывает сам автор в последнем разделе «Образная сфера в живописи и литературе. Визуальные аналогии литературных тропов». На стыке таких разномодальных представлений и мировоззрений (картин мира) возникают наиболее емкие трансмодальные и транскоммунитивные концептуализации высокого порядка, ассимилирующие и сложные, и красивые парадоксы. «Рассмотрение поэзии и живописи...приемов работы со смыслами...необходимо требует расширения понятийного тезауруса...введение в него в качестве рабочих таких понятий как «энергия», «эмпатия»... «синхронистичность», «измененные формы сознания», «магия слова» и «магия образа», «мысле-действие», «мыслеобраз»...» (Там же, с. 420 – 421). Тут охвачен широкий спектр транскоммунитивных душевных реалий, которые прежде чем оформиться в категории и понятия, открывались сознанию человека в парадоксальных символических ноэтических концептах.

Такое завершение путешествия по историческим эмерджентным концептуализациям сознания удивляет отсутствием линейной тенденции в их интенциях. Но мало отметить нелинейность движения; эта хронология и динамика является примером *жизни многомерной ноэтической ризомы сознания*, его общечеловеческого эгрегора или ноосферы, правда, с некоторыми оговорками. Ж. Делез, один из главных авторов «концепта – конструкта» ризомы, начинает двигаться к ней, видимо, уже в попытке понять *парадоксальность смысла*. Вот лишь несколько штрихов. «Именно язык фиксирует эти пределы (например, конкретный момент, когда начинается «избыток»). Но так же именно язык переступает эти пределы, разрушая их в бесконечной эквивалентности неограниченного становления...» (Делез, 1998. С. 173). И далее: «Как сказал Бергсон – мы не переходим от звуков к образам и от образов к смыслу: мы «с самого начала» помещены в смысл. Смысл подобен сфере, куда я уже помещен...» (*Там же*, с. 49). И наконец: «Надо быть уже слишком «простым» самому, чтобы считать мысль простым самоочевидным актом, непричастным к игре всех сил бессознательного и всех сил нонсенса в бессознательном. Парадоксы увлекательны лишь тогда, когда инициируют мысль... Сила парадоксов в том..., что они позволяют нам присутствовать при генезисе противоречия» (*Там же*, с. 107). Так, *антиномическая концептуализация* ценностно-смысловых образований, обнаруженная нами эмпирически с помощью Методики психосемантического графа (МПСГ) в 1978 г. (Кабрин, 1978), обсуждалась «альтернативно» настроенными мыслителями запада уже в 1969 г.

Но и книга Ж. Делёза и Ф. Гваттари «Ризома» (Делез, Гваттари, 1976) вызвала, видимо, что-то в духе «морфогенетического резонанса» Р. Шелдрейка (Шелдрейк, 2005) в определенных кругах гуманитариев. Ее стиль содержание живет и дышит смысловыми парадоксами концептов в их развитии. Она подтверждает гипотезу о «ноэтико-антиномическом» развитии и жизни в человеческом сознании концептов любого уровня. Резюмируем их смелую попытку альтернативно традициям по-новому взглянуть на очень разные формы реальности: «в отличии от деревьев и их корней ризома соединяет какую-либо одну точку с любой другой... она вводит в игру разные режимы знаков... Ризома не позволяет себе вернуться ни к Одному, ни к многому. Она не Одно, которое становится двумя... Она не многое, выводимое из Одного... Она сделана не из единиц, а из измерений, или, скорее, из подвижных направлений. У нее нет ни начала, ни конца, но всегда – середина, из которой она растет и переливается через край. Она *конструирует* линейные множества с изменениями... Такое множество меняет свои измерения только меняя собственную природу и подвергая себя метаморфозам» (вспомним Анаксагора) (*Там же*, с. 30). Далее: «...ризома имеет дело с *картой*, которая должна быть произведена... всегда демонтируема, связуема, пересматриваема... ризома является акцентированной, неиерархической... без Генерала, «центрально автомата»... середина... где вещи набирают скорость... трансверсальное движение... без начала и конца» (*Там же*, с. 31). Кажется, не проходит «ностальгия» по континуально-многомерному универсуму, ибо она изначальна. Можно сказать, что «метаконцепт» ризомы в то же время предвосхищен и стал концептуальным *открытием фрактальности мира* – сначала математически (Б. Мандельброт), затем технологически, трансфессионально (в архитектуре, экологии, искусстве) и сейчас формируется в качестве новой парадигмы миропонимания (Николаева, 2014 а, 2014 б).

Концептуально-конструктивные порталы креативных эмерджентий сознания

Исторический экскурс дает исходную почву для формирования гипотетических проектов и моделей *синтеза концептуальных и конструктивных эмерджентий сознания*, а также *управляемых ими порталов*. Совпадение во времени *концепта ризомы* и *конструктивно-технологической модели фрактальности* подтверждает гипотезу о явном ускорении появления все более широких возможностей креативных трансформаций интуитивно-

смысловых концептов в конструктивные технологические решения. Предполагается, что креативные состояния сознания играют особую роль в общем спектре состояний сознания, *интегрируя его различные измененные состояния сознания (ИСС) с обычным базовым состоянием* на основе взаимной транскомуникабельности. Поэтому *порталы осознания*, как ускоренные качественные переходы (прорывы) интуитивно-смысловых мыслеобразов в конструктивные технологические решения, в процессах эмерджентности могут быть управляемы с помощью специальных психологических практик (Кабрин, 2011а, 2011б; 2014а).

На основе простых примеров представим характер переживаемых осознаваемых противоречий и креативных эмерджентностей. Прошло много времени, прежде чем, человек, постоянно переживающий жару и холод, смог открыть их *объединяющий фактор-концепт*. Он открывал «технологии» укрощения огня. Концепт «температура» вел не только к множеству конструкций термометров, но и к открытиям современной термодинамики. Но сколько на это потребовалось времени? «Вечно молодой» *концепт энергии*, описанный еще древними индусами и «вновь переоткрытый», чуть не сделал «вечную материю» *пустой* (динамическая структура атома). Самоочевидное рискует оказаться иллюзией, а *неочевидная имплицитная реальность* (К. Юнг, Д. Бом) – «реальнее реального» (Налимов, 2011).

Используем концепт «Вечность» как пример *суперконцепта*, который тысячелетия смущает и восхищает умы человечества, но с трудом поддается концептуализации и технологизации. Концепт времени, содержащий в себе парадокс, сам парадоксально быстро превратился в технологический конструкт. Сначала он имел лишь астрономический масштаб, а в современность вошел своими микроскопически точными «электронными» (субатомарными) масштабами. А концептуальный смысл времени? Его физико-технологический конструкт разрывает его главные качества – прошлое, настоящее, будущее, превращая их в *фантом фатальной необратимости*, в каждый момент которой прошлого *уже нет*, а будущего *еще нет*.

Даже в синтаксисах многих языков сохранена *структура единства времен*: есть «будущее в прошлом», «прошлое в будущем», «бесконечно длящееся...и бесконечно ускользающее настоящее» (чем не пример ризомы). Если мы «второпях» отрываем от естественно противоречивого концепта его поверхностный конструктивно-технологический «*проект*», он рискует остаться иллюзорно очень полезным и фатально фантомным. Впрочем, стоит обычному человеку взглянуть на *циферблат* своих часов, как в его сознании может восстановиться вся структура *единства времен сего / дня*, которая, при необходимости, может соотноситься со структурами других дней, как прошлых, так и будущих. Это наша обыденная способность сознания. Но если мы раздвигаем его горизонты за пределы нашей обычной жизни, возможны спонтанные выходы в «космические состояния сознания». Они сопровождаются не только выраженными креативными «пиковыми переживаниями» (Маслоу, 2011), но и «прикосновениями к вечности», открывающими интуитивные способности видения далекого прошлого и будущего.

Аналогичные эффекты можно наблюдать в медитативных путешествиях как при глубоком, так и при достаточно легком трансе. Это касается путешествий не только «сквозь время», но и «сквозь пространство», а также воображаемых выходов к запредельным «микро»- и «макрогоризонтам» (Налимов, 2000; Гроф, 1994). Эти экспириентальные самонаблюдения и хорошо сравнимые соизмеримые саморефлексии говорят о том, что порталы эмерджентности сознания от имплицитных смысловых концептов к их эксплицитным конструктивно-технологическим решениям, содержат важные и неожиданные возможности. Они стоят того, чтобы искать способы их прояснения. Речь идет о детальном анализе структурно-концептуальной психосемантической динамики трансово-медитативных путешествий в ноэтических практиках, используя качественные методы, например МПСГ (Кабрин, 2014б).

Впрочем, цена «*концептуальной бдительности*» также не может игнорироваться, иначе выход из концептуального тупика будет труднее и дороже. Лишь один пример. В монографии «Проблема символа в современной философии» К.А. Свасьян показывает «ловушку», в которую попал философ В. Адорно: «Оба члена антиномии – культура и жизнь – выявили свою реальную природу. Их неизбежным «эргоном» (как в логически-следственном, так и в онтически-вещном смысле) оказалась гибельность... Вся культура после Освенцима, включая и проникновенную критику ее, есть мусор» (Свасьян, 2010б. С. 214). Сам же он делает важный для философа «прорыв»: «тайное символа в том, что он не «закрытое чтение», а ритмический жест в сторону творчества жизни...» (Свасьян, 2010б.С. 223). Этим он вплотную приблизился к пониманию «общего фактора» творчества природы и культуры. Он – в их удивительной взаимной *транскоммуникабельности*(Кабрин, 2005).

Кроме ноэтических медитативных путешествий по главным порталам, направленно эксплицирующим в сознании особенности психогенной, или *ноопоэтической энергии, информации, пространства и времени*, дающих просветляющий эффект (Кабрин, 2005; 2011а, 2014а), мы проектируем *встречные влияния*. Например, мы ожидаем с помощью *эксплицированных физически визуальных и музыкальных фракталов и гармоний* активировать и повышать креативный потенциал порталов осознания в указанных измерениях. Это может повысить разнообразие и эффективность концептуально-конструктивных мыслеобразов и их психосемантических репрезентаций в экспириентальных рефлексиях и других *проектных* продуктах. При этом интенционально-предметная направленность таких проектных репрезентаций может быть практически любой в зависимости от актуального запроса или вызова.

Перспектива креативного лидерство в инновационно-ориентированных организациях

Формирование новой мировоззренческой парадигмы университетского образования в связи с проблемой подготовки трансфессионалов определяется в частности изменением ценностных ориентаций организаций с развивающейся инновационной деятельности

Развитие инновационной активности и предпринимательства в современных условиях ставит новые вопросы и открывает новые перспективы переосмысления традиционной проблемы лидерства. В кросскультурном и сравнительном исследовании инновационно- и предпринимательски ориентированной молодежи и непредпринимателей были выявлены существенные различия в *качественной концептуализации* их лично значимых коммуникативных миров (Кабрин, Сметанова, Звездина, 2015а, 2015б).

В психосемантике *ценностно-смысловых концептов* (ЦСК) «Я как лидер» и «Члены моей команды» у предпринимателей структурная проблемно-ассимилятивная *концептуализация* оказалась в три раза выраженной, чем у непредпринимателей. Вместе с этим между ЦСК «Я как лидер» и «Члены моей команды» в их комплиментарных отношениях также была выявлена отчетливая тенденция *психосемантической децентрации* в направлении членов команды с ростом предпринимательского опыта. Сопоставление этих двух тенденций позволяет более комплексно развернуть *гипотезу о коммуникативно-концептуальной природе и перспективе креативного лидерства* и возможностях его инициированного развития уже в условиях университетского образования.

Несмотря на оптимистичность гипотезы в контексте явно позитивных тенденций (имеется в виду растущая с опытом психосемантическая децентрация и креативная концептуализация), проблемная ситуация проявляется во всех исследованных группах: обнаружен самый низкий уровень психосемантической представленности трех из шести

универсальных категориальных факторов – «Интеллектуальной культуры», «Творческого потенциала», и, особенно, субфактора «Суперлидерства». В субфактор «Суперлидерство» объединены конструкты респондентов, подчеркивающие «особый авторитет», «вдохновляющее влияние», «харизму» в отличие от традиционных функциональных характеристик лидера в широком смысле (включая и традиционные типы).

Мы обратили внимание на субфактор «суперлидерство», поскольку он гипотетически связан с перспективой исследования именно креативного лидерства. Выявленная проблема обещает стать хронической, если мы не пробудим рефлексию на уровне обыденного и профессионального сознания будущих выпускников ведущих университетов. Актуальность проблемы культивирования креативного лидерства, конечно, не ограничивается лишь развитием малого предпринимательства и «преобразованием образования» (Акофф, Гринберг, 2009). Это стратегический индикатор и одновременно *авангард* в формировании новой гармоничной культуры нового человека в новом обществе.

Попытки понять необходимость распределенного лидерства как более гибкого в современных условиях, которые по-сути сводятся к адаптации старых моделей лидерства к новым условиям (Малоун, 2009; Malone, 2003). Мы же имеем в виду реальное распределенное неформальное лидерство среди сотрудников разных уровней организации благодаря харизматической мудрости руководителя как суперлидера. Такие принимаемые и поощряемые инициативы с «живых точек» формируют особую иммунную сеть, которая является питательной средой для внедрения в большую организацию разветвленной системы собственно креативного лидерства.

Креативное лидерство – это не просто еще один тип лидерства в ряду общеизвестных, хотя такая редукция была бы более воспринимаемой и понятной особенно для руководителей разных уровней. Они легко бы согласились с тем, что такой особый тип лидерства, вероятно, эффективен для особых ситуаций и условий, но не всегда и не везде, что хорошо уже известно относительно классических типов (либерал, автократ, демократ) и неклассических тоже. Совсем другое дело, когда такая альтернатива предлагается в качестве основной перспективы для саморазвивающихся организаций. Здесь будет возникать растущее множество очень разных вопросов. На некоторые из них мы уже начнем отвечать в этом иницируемом проекте.

История трансформации концепта «Суперлидерство»

Суперлидерство, как живой концепт, прорастая из неизведанной глубины веков, открывался древним людям в качестве деяния богов, затем проявлялся в героях, в выдающихся исторических личностях, обладавших харизмой, таким своеобразным «даром богов». Лишь в прошлом веке в конкретных социально-психологических исследованиях этот концепт, очищенный от религиозного ореола, стал пониматься как универсальный социокультурный феномен *«лидерства»*, доступный конструктивному описанию. Правда, при этом концепт «суперлидерство» в социометрических моделях претерпел естественную редукцию, даже девальвацию, когда его пытались интерпретировать через исторические реминисценции «макиавеллизма» и «серых кардиналов». При этом имелись ввиду нередкие реальные случаи особой подверженности конкретного лидера группы влиянию со стороны «некоего» человека, не имеющего и не желающего иметь прямые контакты с другими членами группы и, тем не менее, влиять на них.

Путь развития представлений о суперлидерах как собственно *креативных* оказался непростым. Констатируем две социально психологические ловушки. Продвинутой лидер умеет подбирать и готовить хороших преемников и последователей. Но эта корпоративная психология также была иронически отрефлексирована в обыденном сознании, поскольку по определению, часто декларируемому, лидер обладает преимущественным влиянием на членов группы с помощью своих психологических особенностей (странностей,

акцентуаций). Даже если суперлидер «делает из последователей новых лидеров», принципиально мало что меняется (Т.Ю. Базаров) (Бендас, 2009). Мы приближаемся к решению проблемы, если лидер сам, будучи творческой личностью, ориентирует последователей на выдвижение новых идей в атмосфере дружеских отношений и взаимной ответственности.

Приближением к решению проблемы видится концепция «стейкхолдеров» – через поощрение творчества суперлидер формирует «единую команду последователей, которые рассматривают цели организации как свои собственные и являются активными участниками лидерского процесса – возникает как бы командное лидерство» (Кудряшова, 1996; Lloyd, 1996). Однако в качестве вопроса остается метафора радикального русского креатива В.С. Высоцкого «Если вы хотите как я, значит не надо за мной»...

Наконец, наиболее близкой к перспективному решению подготовки настоящих, т.е. креативных суперлидеров представляется концепция Ч. Менза и Г. Симпса: «суперлидер должен способствовать появлению «самолидерства» у подчиненных, исполняя роль не диктатора, а учителя и воспитателя: он поощряет их ставить собственные цели и не бояться совершать ошибок» (Manz, Sims, 1987).

Очевидно, что суперлидер не только искренне радуется и поощряет высокие креативные достижения своих коллег, но и реально выстраивает стратегию создания условий и доверительной атмосферы для того, чтобы они стремились превзойти его собственные результаты. В этом смысле такой человек, безусловно, *талантлив* и является мудрой *децентрализованной* сильной личностью, преодолевающей свои естественные эгоцентрические амбиции. Обнаруженная в наших исследованиях децентрация является ключевым свойством креативного лидера – суперлидера. В этом качестве она включена в предлагаемую здесь *концептуальную* модель. Здесь духовная зрелость личности, реализовавшей свою индивидуацию по К. Юнгу (Юнг, 2013), является результатом бескомпромиссной внутренней работы личности, освободившей и высветившей свое *духовное Я* из эгоцентричной суэты, борьбы остальных субличностей человека *за практическое Я* (Ассаджиоли, 2008).

Однако слабая рефлексия и артикулирование качественной коммуникации в своем значимом окружении обнаруживает тот «дефицит», который мы стремимся восполнить, переходя к коммуникативно-концептуальной модели *креативного лидерства*.

Коммуникативно-концептуальная модель креативного лидерства

Почему речь пойдет о *концептуальной* модели в заданном контексте объясняется просто – потому что она происходит именно от *концепта*, а не от конструкта или категории лидерства. Интересно, что вторая характеристика модели хоть и воспринимается привычно, но на самом деле до сих пор не является очевидной. Уже более двух десятилетий мы пытаемся понять и исследовать подлинную, *аутентичную коммуникацию как первичный творческий процесс личности*. В романских языках и русском, с одной стороны, четко различаются термины «коммуникация» и «взаимодействие» (интеракция), но их по-прежнему используют как синонимы. Вместе с тем не случайно культура чаще понимается не как творческий, а как нормо-формативный процесс. В результате большинство работ по коммуникации перенасыщено физическими, экономическими и социокультурными стереотипами.

Для акцентирования внимания на особой значимости первичной креативности личности в коммуникативном процессе, я вынужден был ввести особый термин «*транскоммуникация*» (Кабрин, 1992, 2005). Она означает по-сути аутентичную творческую коммуникацию, противопоставленную расхожим представлениям о нормативной, а значит *фальсифицированной* коммуникации, синонимичной взаимодействию. Но в чем же такая острота проблемы? В разное время я пояснял ее разными способами и сейчас попробуем обобщить.

Тело человека фатально погружено в физическое взаимодействие со средой вплоть до его исчезновения. Момент творческого общения – психологический контакт или лучше – *Встреча* всегда возможны, но никогда не гарантированы. Она предполагает психологически мотивированный или *свободный шаг личности навстречу* тому, с кем или чем она желает, готова, настроена, предрасположена встретиться. Поэтому всегда взаимодействуя, мы не так часто *встречаемся*. Такой шаг предполагает и *возможность децентрации*. По В. Франклу это момент *самотрансценденции* в сферу *иного, инакового, нового*. Всегда ли мы к этому готовы – ведь именно в такие *моменты истины* рождается *новый концепт*. Он рожден встречей через диалогический отклик (М.М. Бахтин) как *новый трансмысл* или плодотворный момент транскомуникации *инаковых*. Происходят взаимные транзиты их смыслов друг в друга – совершается их «перемешивание» *без смешивания!* (Микалко, 2014).

Это сущностный момент плодотворной встречи – транскомуникации, объединяющей натуру и культуру, где «перемешивание» так же не ведет к смешиванию. Остаются аутентичными живущая натура и символическая культура! Это не противоречие – но что?

Не случайно для древних и плодородие, и символические обряды, прежде всего, были актами *Метакоммуникации*, источником которой считалось *соучастие высших сил*. Я не готов анализировать проблему, не решенную в многовековой ретроспективе великими мыслителями, но извлечь урок для поставленной в этой работе задачи коммуникативно-концептуального моделирования креативного лидерства я обязан. Давно предложенная Г. Уоллесом четырехфазная схема творческого процесса сама исторически выглядит перспективно плодотворной и креативной. В ней гармонично объединяются культура и натура, не в механистичном, а в транскомуникативном смысле Встречи (вертикальной, т.е. восходящей и нисходящей транскомуникации).

Фазе предрасположенности к чувствованию творцом проблемы соответствуют встреча и влюбленность, вплоть до зачатия нового.

Фазе поглощающего увлечения накоплением новой информации соответствует упорное «вынашивание» (беременность).

Фазе озарения и инсайта соответствуют роды.

Фаза «социализации» культурного и научного оформления и признания творческого продукта так же соответствует признанию социального статуса и достойного воспитания ребенка (Любарт, 2013).

Эта концептуальноемкая и по-сутитранскомуникабельная внутренне схема креативного процесса потенциально холистична и как минимум четырехмерна. Поэтому она удивительно корреспондирует и соотносима с более поздней, так же четырехмерной, но димензионально (континуально) биполярной типологией Майерс-Бриггс, основанной на базовых психологических типах и функциях концепции Г. Юнга.² Последователи О. Крегера и Дж.М. Тьюсона резюмируют: «МВТИ основан на выявлении двух различных способов пополнения запасов энергии и сосредоточения внимания (шкала экстраверсия – интроверсия), двух противоположенных способов сбора информации (шкала сенсорность – интуиция), двух различных способов принятия решений (шкала мышление – чувствование) и двух различных способов организации своего взаимодействия с внешним миром (решение – восприятие) (Крегер, Тьюсон, 1995).

Видим, что, несмотря на другую терминологию, основания этой классификации по глубинному смыслу аналогичны фазам-векторам схемы креативного процесса Г. Уоллеса. Поэтому не случайно относительно быстро О. Крегером в содружестве с выраженным креативом сферы искусства Д. Голдстейном была представлена книга «Творческая личность: как использовать сильные стороны своего характера для развития

²«Синтез «практической ориентации» дочери с «теоретическим уклоном» матери и годы кропотливых, более чем десятилетних исследований привели к созданию Индикатора типов Майерс-Бриггс (Myers-BriggsTypeIndicator – MBTI).

креативности». Авторы делают сильное обобщение даже в известном контексте гуманистической психологии креативности А. Маслоу и К. Роджерса (Маслоу, 2011; Роджерс, 2001). Они утверждают: «...мы все от природы креативны...пробудить свою природенную креативность никогда не поздно» (Крегер, Тьюсон, 1995. С. 20 – 21). При этом речь идет не об общем, несколько абстрактном утверждении. Авторы убедительно показывают, что креативность человека красной нитью всегда своеобразно проходит через все 16 основных (четырёхмерных) психотипов. В то же время каждый профиль психотипа раскрывает неповторимый тип, а может и *архетип креативности*.

Эта база *креативных психотипов* по глубинному смыслу соответствует (не тождественна) четырехмерному хронотопу модусов жизни и сознания человека. Они в качестве *порталов осознания* (Кабрин, 2013; 2014а) актуализируют поле *креативного состояния сознания* личности (КСС), объединяющего возможный основной спектр измененных состояний сознания (ИСС) с базовым бодрствующим сознанием. Скорее всего, это происходит в силу сохранности в нем *транскоммуникативной метапозиции* в отношении «множественности» очевидных (физических) и неочевидных (духовно-душевных) реальностей.

Речь уже идет о *работе с трансперсональной реальностью*, на которую здесь мы можем лишь сослаться, имея ввиду, прежде всего, труды М. Мерфи, Ст. Грофа, К. Уилбера (Мерфи, 2010; Гроф, 2005; Уилбер, 2009). Уже два десятилетия мы исследуем и анализируем на базе *экспериментальных³ групп порталов осознания как психологические переходы или эмерджентии душевно-духовного и физического: Времени* нового жизнеосуществления; *Пространства* возможных решений; полицентрического «многообразия» *Информации*; универсальной преобразуемости *Энергии*. Освоение этих порталов, расширяющих поле креативного состояния сознания личности, делает саму личность креативной и ориентированной на творческие достижения в любой сфере и в зависимости от профиля психотипической предрасположенности по MBTI.

Заострим и «заземлим» эту динамическую экзистенциально-трансцендентальную метафору, поскольку она по смыслу согласовывается и с выделенными нами *фазами потенциализации достижений* творческой личности и креативного лидерства. Эти фазы имеют общую *транскоммуникативную природу, интенсифицирующую смысловые связи* и ноэтическую конгруэнтность культуры и природы человека. Имеется ввиду потенциализация творческой встречи, а поскольку встреча всегда связана с новым, неизвестным, Р. Мэй связывает ее с «мужеством творить» (Мэй, 2012).

Первая фаза – отвага сделать первый шаг навстречу с неизвестным и принятие его в интимное пространство – связана со *стресс-мобилизацией* (так, зародыш первоначально вызывает интоксикацию и иммунную мобилизацию).

На второй фазе генерализованная стресс-мобилизация вызывает повышенную поисковую активность, а накопление новой информации приводит к *реориентации* (ситуативной или стратегической).

Третья фаза – кардинальная ситуативная или стратегическая *трансформация* позиции и формы (метаморфоза) с найденными новыми решениями.

Четвертая фаза – освоение *жизни в новой позиции и форме* в связи с достигнутыми результатами, оформление ее социокультурного значения.

Эта модель обозначена в виде формулы *стресс-трансформация* (СТФ) в отличии от транс-стресс-формации (ТСФ), когда креативная потенциализация блокируется нечувствительностью к проблеме, неадекватным оптимизмом и фрустрируется усиливающимся дистрессом. Этот четырехмерный цикл преобразующей человека встречи с новым включает четырехмерный универсум *пиковых транскоммуникативных*

³От experiential (англ.) – основанный на опыте.

переживаний, которые могут быть релевантными индикаторами интенсивности и качества потенциализации жизни, что потенциально связано с инициацией креативного лидерства.

Первая фаза-вектор переживается как *катарсис* – «изумление» новым неизвестным, освобождающим, «очищающим» от «старого», уходящего на задний план.

Вторая фаза-вектор переживается как *импринтинг* – замороженная поглощенность принятием и познанием нового.

Третья фаза-вектор – трансформация, метаморфоза – проявляется в *экстенсивных* переживаниях, предынсайтных порывах *выразить невыразимое новое*.

Четвертая фаза-вектор воплощает *инсайтное просветление*, вдохновение, окрыляющее жизнь в новой форме (Кабрин, 2013).

Поскольку эти измерения жизни креативной личности имеют транскоммунитивную природу и перспективу, творческое отношение к проявлениям мира и «другим» людям может быть единым творческим процессом креативного лидерства. Человек, чувствующий и переживающий инициативу в себе (в отношениях с проблемами), так же естественно может переживать, принимать и ценить ее в других людях. В целом можно говорить об *экзистенциальном креативном лидерстве* человека, осуществляющего и свое личное, и общее предназначение. То, что в широком смысле З. Луиджи называет «созиданием души», причем не только своей, но и коллективной (К. Юнг), когда есть *свобода*, но нет произвола выбора, ибо есть *предназначение*. То, что звучало пафосно у П. Тиллиха (Тиллих, 2011), у З. Луиджи (героизм предназначения) может становиться естественно аутентичным в экзистенциальном креативном лидерстве личности в транскоммунитивных переживаниях, преобразующих жизнь и в атмосфере креативного ко-лидерства (Луиджи, 2004).

Создание креативной среды

Для качественного совершенствования среды постиндустриального инновационного общества необходимо готовить креативных лидеров уже на уровне выпускников университетов, а скорее всего, и гораздо раньше. На своем личном исследовательско-преподавательском опыте я убедился, что эффективнее всего это начинать с первых занятий, когда вчерашние абитуриенты еще полны *ожиданием новизны* и еще не разыграли старые привычные школярские рефлексии. Обобщая свой опыт, я вижу, что это возможно, если сами преподаватели, тренеры, консультанты обнаруживают себя креативными лидерами, разделяя при этом общий трансформационный риск со студентами. Убедился, что этот шанс есть и в работе с магистрантами, опять же при использовании импульса новизны на первых занятиях. Лишь один пример: при ассимиляции обязательного в образовательном стандарте учебного курса «Отрасли психологии, психологические практики и психологические службы», который мог оказаться рутинным и скучным для магистрантов, я с первых дней занятий доверил каждому подготовить личную модификацию и апробацию в учебной группе любой, заинтересовавший магистранта психологической практики, актуализирующей и развивающей самые разные стороны личности. По-сути, каждому предлагалось провести с группой занятие в качестве креативного лидера.

На глазах, от занятия к занятию, менялась креативная позиция, ответственная отзывчивость и отзывчивая ответственность, расширялся диапазон приемлемости, уважения, доверия друг к другу; в группе возникала особая креативная психологическая атмосфера с ее растущим переносом и на другие дисциплины; складывались условия междисциплинарного, трансфессионального видения ключевых психологических проблем – психофизической, психофизиологической, психопрактической и психоэтической; рушились барьеры между физикой, биологией, лингвистикой, философией и теологией. Далее выстраивалась система раскрытия креативного потенциала личности магистранта от интенсивного погружения в первичную Встречу до самостоятельного формирования

креативного мира в группе для реализации прорывного проекта (Финкельштейн, Лотон, Харви, 2007). Недавно я услышал подтверждение эффекта этой стратегии, когда успешный молодой предприниматель сказал, что команда чаще важнее идеи.

Но такой эффект трансфессионального синтеза реален, видимо, в результате системной синергии креативной активности основных преподавателей магистратуры. Иными словами, для получения долгосрочного (может быть необратимого) эффекта формирования креативного лидерства магистрантов необходима актуализация и поддержка трансфессионального креативного лидерского потенциала самих преподавателей. Позитивные следствия мы всегда получаем в групповой супервизии преподавателей различных профессий, например, в форме «балинтовских групп», где органично включаются эпизоды (этюды) в виде синектических креативных групп (Буш, 1985).

Полагаю, что были бы перспективными специальные креативные тренинги от универсального «ритм-синтеза» до эстетических динамических медитаций-путешествий в мыслеобразах (Кабрин, 2014а; Роджерс, 2015). Думаю, что такой репертуар потенциализации креативного лидерства преподавателя ограничивается только гибкими пределами целесообразности (Поддьков, 2014).

Живая аутентичность встреч как необходимое условие развития креативного лидерства трансфессионала в эпоху тотальной цифровой анимации

Расслоение (дифференциация) реальностей обнаружена в древнейших пещерных изображениях человека. С этим связывают корни сознания *Homosapiens* (Мишлав, 1995; Нойман, 1998), но настоятельная необходимость рефлексии множественного спектра разнокачественных и разномасштабных *состояний сознания* обнаружилась сравнительно недавно (Уилбер, 2009). Это оказалось и симптоматично, и своевременно. Очевидно, что «информационно-культурный взрыв» современной эпохи практически *«разоблачает» фантастическую множественность реальностей*, в которых существует современный человек, испытывающий при этом *множественную идентичность*. И проблема креативной аутентичности человека уже открыто и остро конфронтирует с проблемой его социокультурной *шизофрени*. Как хорошо все начиналось...

Для университета эта проблема обостряется в связи с бурным развитием дистанционного образования. Возникает специфическая проблема поиска оптимального соотношения дистанционного и *непосредственного межличностного обучения*. Роль последнего особенно возрастает в связи с ориентацией на формирование трансфессионалов, центральным фактором которого является воспитание *креативных лидеров* (Кабрин, 2017). В свою очередь это возможно лишь в среде полноценного, живого, аутентичного общения преподавателей и студентов как между собой, так и друг с другом. В этом контексте рассматриваются возможности сохранения и развития аутентичной коммуникации на основе прояснения многомерной социально-психологической значимости живых встреч в связи с необходимостью формирования креативных лидеров-трансфессионалов.

Казус протоной⁴ и оптимизм ортоной⁵. Символическое изображение всегда есть открытие более потенциального по сравнению с однозначной очевидностью – и вот он, анимизм (одухотворенность) архаической культуры. Но символизация – от ритуалов, письма, письменности, книги, издательства – пришла через литературную и живописную традиции к видео-конструкционистской, игровой, компьютерной *анимации*.

⁴ Здесь протонойя – архетипы и спонтанные фантазии «детской души» в проекции на корни культуры (Кабрин, 2000).

⁵ Ортонойя – ментальные схемы «правильного» разума, конвенционального поведения (Кабрин, 2000).

Ласкающий ужас анимации СМИ и игрового интернета уже не конкурирует по яркости, а *замещает* первичную онтологическую реальность, изначально возникавшую в *переживаниях* анимы человека, поскольку тотально овладевает самими этими переживаниями. С другой стороны, оптимизм ортонойи, эта история культурной драмы прогресса осуществлялась возникновением и наслоением все новых форм и способов *символической коммуникации* человека с другими, собой, культурой, миром. Вовлеченность в такую символическо-онтологическую активность качественно трансформировала и основные модусы душевной жизни или «психической организации» человека.

Наслоения и трансформации форм и средств коммуникации качественно модифицирует свойства памяти, перцептивного внимания, реконструирующего воображения, чувствующей интуиции. С внешней стороны, «объективно», происходит последовательное отчуждение их функций – замещение (внешняя память), захват управления (прежде всего вниманием); реструктуризация (воображение); инструментализация (даже в «навыках» чувственной интуиции). Возникает ощущение, что протоной в этом процессе «застигнута врасплох» (конечно, в историческом времени).

*Сомнения и призраки паранойи*⁶. Пессимисты в таком процессе видят признаки и опасность деградации всех указанных интимно-душевных способностей; оптимисты – возможности перехода на качественно новый уровень жизни, или, по крайней мере, функционирования. Так или иначе, сознание человека как *интимная* сторона коммуникации обнаруживает себя в силу своей интенциональности на перекрёстке парадоксальных проблем сопряженной множественной реальности. *Аутентичная реальность* на пересечении множества разнокачественных «*кривых зеркал ее анимаций*» в пробуждающемся *новом сознании* пытается остаться самой собой, т.е. выходить за пределы *всех «эрзац-реальностей»*.

Это лишь одна возможная рефлексия индивидуального сознания конкретного человека, а избегание когнитивного диссонанса толкает на поиск простых решений. Уходить ли от известных зеркал и обнаруживать новые зеркальные репрезентации? Остановиться на наиболее приятных и полезных анимациях и уговаривать других присоединиться? – Конечно! – тем более, что поиск абстрактной истины безнадежен. Помимо того, как *традиционные ценности-зеркала* все более тускнеют для современной молодежи, виртуальные игровые пространства виртуальных сетей интернет становятся все более животрепещущими и *реальнее, чем* всё менее понятная аутентичная реальность. Да и что это уже такое при иррадирующей её множественности?

Привлекательность и заманчивость потока новых степеней свободы и потенций во множестве жизней и уровней реальности актуализирует все психические способности и практически полностью вовлекает и погружает человека в *игровую реальность*. Она уже становится образцом, эталоном *реальности первичной*. «Игровые смерти» уже могут легко переноситься в *игры смерти* в жизни. Но многие корпорации и организации увидели в этом заманчивый способ повышения коммерческой эффективности офисного планктона, менеджеров и фрилансеров. Геймификация обучения становится мейнстримом: однако недооцениваемая проблема стратегического плана в том – кто кем владеет?

Анимационно-игровые технологии изоциренно задействуют основные известные психологические и нейробиологические факторы, формируя у человека захватывающие переживания *активного участия в гиперреальности*. Кстати, может, не ведя того, «гиперреализм» и новая эстетика неизбежно этому содействуют и даже подражают; компьютерная, игровая анимация и искусство все чаще сливаются в экстатических процессах. Овладевая все более привлекательными гаджетами, человек порой даже не замечает, что сам стал гаджетом множества анимационно-игровых сетей. Чувствует он сейчас потребность в какой-то собственной свободе и аутентичности? Если нет, то его

⁶ Более общее буквальное немедицинское значение слову «паранойя» вернул Дж. Уайт.

сознание уже ассимилировано в макротехнологические сети, настоящие ценности которых ему уже недоступны. В результате современная молодежь легко запутывается в паутине такой антропной дисгармонии анимационно-игровых реальностей, или безропотно вязнет в одной из них.

Деградирует ли современное сознание человека до технологически ангажированного участия в множащихся анимационно-игровых реалиях или они выведут его на новые рубежи самотрансценденции и осознания в качестве *Homopoeticus*?! Этот уже поставленный вопрос открыт, но есть гипотетический проект перспективы возможного решения.

Коммуникативно-холистический потенциал встречи

Вся история анимации как осознания символических смыслов «потаённого большего» в ритуальной *коммуникации* человека со стихиями мира, другими людьми и собой, эксплицирует и разворачивает и его дремлющие, потаенные психологические силы и способности. Интуиция, воображение, перцепция и память, участвуя в осознаваемой анимации, преобразуются сами, поражаясь восхитительным преодолением границ, пределов, масштабов, скоростей, конфигураций Вре́мён – Пространств – Информаций – Энергий. Всего того, что физически и материально постоянно ограничивает и сковывает человека.

Все это качественно «взвинчивает», *ускоряет развитие потенциала осознания человеком* не только недостижимых и неочевидных свойств мира как среды обитания, но и самих душевных потенций. Открытие спектра состояний сознания (Уилбер, 2009) означает, что сегодня легко преодолеваются иллюзорные границы между «бессознательным», «сверхсознательным», бодрствующим, сновидным, имагинативным, медитативным и т.п. сознаниями. *Встреча как транскомуникация* с этими состояниями открывает бесконечные возможности к их целостному холодинамическому видению и синтезу (Юнг, 2010; Кабрин, 2005).

Психологические практики психосинтеза, активного воображения, индивидуации, символдрамы эффективно работают в этом направлении. Количество конкретных частных социально-психологических техник и технологий уже невозможно перечислить, а океан транскомуникативных миров осознания человека безбрежен.

Поэтому вышерассмотренную многомерную феноменологию можно моделировать на основе объемного концепта Встречи. Встреча – это «такт», *квант транскомуникации* одновременно потенциально осознаваемое *событие* универсума (у Т. Шардена – атомы – это центры Вселенной) (Шарден, 2011). Во встрече как в капле воды отражается бесконечный холизм жизни. Но суть вопроса в особенностях и нюансах.

Встреча – не взаимодействие. Последнее универсально. Непрерывно взаимодействуя как тела в среде в качестве физических тел, мы стремимся сохранить *лишь опыт Встреч*. Принцип биологического *столкновения* «бей – беги» с выделением адреналина или норадреналина уже достаточно изучен и в этологии. Но бегство или нападение – это часто результат инстинктивного предвзятого предопределения т.е. «преждевременной анимации» неизвестного нового как известного.

Встреча – это не столкновение с известным, особенно при желании сделать с ним что-то привычное. Убежать от «опасности» и *встретиться* с ней – это очень разные *события*. Но мы настолько часто сталкиваемся с «известным» (привычным, обычным) уже изошрено *избегая препятствия на пути*, что также часто упускаем шанс реальной встречи с новым, неизвестным, иным. Конечно, вспоминая Гераклита – делать *каждый шаг* как «новый» да в «неизвестное» – мы глубокомысленно считаем абсурдным, избыточным и неэкономным. И, разумеется, мы не задумываемся над тем, *что при этом теряем* (классическая техника Ф. Перлза – когда называние каждого шага через

осознание приводит многих в возмущение), однако, будучи вдруг замороженными и восхищенными чьей-то походкой, мы так же стали немного другими.

Встреча как транскомуникация – это всегда контакт с иным, неизвестным, новым – это всегда риск, а как динамичный такт это часто взаимно. П. Тиллих назвал это «отвагой быть» (Тиллих, 2011). Я не случайно привожу предельно простые примеры с походкой, считающейся верхом достигаемых *автоматизмов* – т.е. *невстреч*. Но посмотрите на вкрадчивую походку человека в момент неизвестности и неопределенности «здесь и сейчас» и эффектно-демонстративную походку, выражающую *поисковый смысл* значительно более масштабного радиуса пространства и времени, чем наличная ситуация. Поэтому встреча как транскомуникативное событие всегда смыслообразующа. Рождение нового смысла во встрече инаковых – это *новый концепт* как плод в буквальном этимологическом смысле (*concipir* – забеременеть). Рождение концепта (смыслового зародыша) – это *транскомуникативная вспышка осознания в момент встречи*.

Яркие горизонты концептуально-игровой анимации сегодня ясно говорят, что границы его познания и понимания определяются границами его аутентичного, т.е. транскомуникативного осознания.

Понимание того, что встреча – это событие универсума, уже не чисто интуитивное; оно может быть артикулировано с позиций современного холистического или *холодинамического* подхода (Джексон, 2016; Липтон, Бхаэрман, 2010). Но сначала представим ее *экспириентально-феноменологически*. При ближайшем рассмотрении, вчувствовании во Встречу с Новым ее опыт ошеломляет: отвага риска принятия и встречной открытости *пробуждает* осознание, а его интенсивность, глубина, возрастают. А поскольку *рефлексия не наступает преждевременно*, ноэтический потенциал (интуитивный ум, творческая интуиция) раздвигает горизонты жизненного мира человека.

В этом контексте динамики рассмотрим четыре основных уровня Встречи:

1. Психонэтика Встречи

Децентрация и растворение границ эго изменяет и расширяет общее состояние сознания. Становятся *подвижными* базовые онтоноэтические координаты бытия: замедляется-ускоряется переживание *времени*; уплотняется и расширяется *чувство пространства*; возникают новые спонтанные впечатления – приходит неожиданная *информация*; сдавленность и мотивационно-эмоциональный подъем *энергии*, меняют тонус. Это может происходить в секунды и растягиваться на часы.

Это сжатое описание интенсивного многомерного комплекса переживаний участников классических групп встреч (по К. Роджерсу) и одномоментных *экспириентальных встреч*: Я – Группа, с последующим описанием возникших переживаний. Еще большая динамика переживаний по *базовым порталам осознания* (времени – пространству – информации – энергии) мы наблюдали в результатах медитативных путешествий на основе методов управляемого (Ассаджиоли, 2008) и активного (Активное воображение, 2016) воображения (Кабрин, 2005).

2. Психодинамика Встречи

Готовность и предрасположенность к встрече – удивительно специфическая проблема. Однажды в глубокой молодости я сидел в кресле стоматолога с широко открытым ртом, в котором начинал орудовать бур. Желая *отвлечься от встречи* с ним, я стал ловить взгляды прохожих прямо передо мною в окне, поскольку оно открывало большой обзор тротуара и было на удивление низким. Нечаянные взгляды прохожих, которых было много, часто попадали прямо на меня. Подавляющее большинство взглядов моментально, с инстинктивным отторжением, отводились от такой картины; но некоторые задерживались со странным интересом. Иногда все же были и сочувствующие при всей несуразности ситуации. Правда, мою проблему в этот момент эти встречи облегчили.

Столкновение с неожиданным неизвестным чаще вызывает уход, а *шаг навстречу* – «*стресс-мобилизацию*» (приемлемое волнение). Первый шаг влечет за собой другой –

«реориентацию» (пересмотр по-новому момента «здесь и сейчас»), что может привести к трансформации ситуации (изменению образа действий, или образа мыслей). В результате может возникнуть качественно новое переживание нового, *иного*состояния – качественно новой формы жизни. Реальное вхождение во встречу с иным делает и самого человека также иным, обновленным.

3. Микронеозис встречи

Очерченные четыре фазы психодинамики встречи – стресс-мобилизация – реориентация – трансформация – обновление (превращение) – могут быть в разной степени кумулятивны и синхронистичны. Если наша Самость входит во встречу, мы этого не сможем не заметить, поскольку она выводит нас из прежнего равновесия и вызывает пиковые собственно *ноэтические переживания*. Так, *катарсис* в стресс-мобилизации очищает от старого (предвзятого); *импринтинг* реориентации завораживает и наполняет новыми впечатлениями; *экстенсия* (экспансия) трансформации рождает новые усилия инициативных преобразований; *инсайт* обновления (открытия) просветляет.

4. Макронеозис Встречи

Поразительно, что все это может кристаллизоваться, сверкнуть в одном мгновении судьбоносной встречи и лишь потом, рефлексивно-ностальгически, осознаваться и переживаться очень долгое время. Когда такая встреча в искусстве или науке артикулировано развертывается как *удивление... увлечение... решение... придание достойной формы* – это переживается и осознается как творчество и как важнейшие моменты всей жизни. Истории и драмы таких встреч постоянно изображаются в литературе, науке, поскольку это самое аутентичное, что возникает в жизни большинства людей. В этих удивительно-универсальных векторах жизни синхронизируется культура и натура (Уоллес, 1926; Кабрин, 2015).

Если представить *жизнь как Встречу с Иным*, то актуализируются концепты более высокого порядка из ноэтической психологии.

Имеется *ввиду протоноя* – чистое спонтанное и одновременно архетипическое присутствие ребенка в жизни; *ортоноя* – запечатление хороших, правильных форм жизни; *параноя* – преодоление и трансформация старых навязанных форм жизни; *метаноя* – просветленное принятие иных потаённых форм жизни, как обновлённое переживание жизни в целом (Уайт, 1996; Кабрин, 2005). В этих случаях уже сама жизнь воспринимается не как Рождение – Расцвет – Увядание – Умирание, а как *нарастающее пиковое ноэтическое переживание* и отвага встречи... В таком контексте это можно обозначить одним концептом: *свершается ноопозис*.

Очень эвристично, что современный холистический подход к творчеству (в широком смысле к научному, художественному, техническому, организационному и житнетворчеству) движется в *встречных* направлениях в согласии с его базовым метаконцептом: от универсального целого к некоему единичному и подобному в нем.

В современной литературе выделяют четыре основных уровня холодинамики (Джексон, 2016):

Эмерджентция: возникновение – исчезновение (превращение) качественно нового в их единстве. Исключительная важность эмерджентного взгляда – это понимание события в континууме преобразования: возникновения – исчезновения. Ему может соответствовать и наиболее емкая психосемантическая единица – смысл ценности, содержащий реальную тайну события, интуитивно переживаемую.

Аттракция: «стягивание» в единство, интеграция противоположностей, несовместимостей. Аттракторы характеризуют потенциальные направления эмерджентций. Они живут соединением полярных тенденций в эмерджентном горизонте, образуя

реальностей. Более того, именно в интенсивном опыте таких встреч обнаруживается органичное единство креативных озарений и одновременного вовлечения в соучастие своих партнеров. Интуитивная креативная инициатива одного является вдохновляющим фактором для других. В атмосфере открытой встречи она легко перехватывается, поскольку уже не является «предметом эгоизма». Тем самым и лидерство становится иррадирующим, распределенным, формируя общую креативно-коммуникативную атмосферу группы, где креативность и лидерство оказываются взаимно транзитивными, т.е. транскомуникабельными. Психологическая культура встреч, как основа развития потенциала креативного лидерства профессионала, эффективно формируется в специальных группах потенциализации достижений, интенсивного экзистенциального, ноэтического, имагинативного, коммуникативно-креативного опыта.

В частности, они лежат в основе образовательной программы магистратуры факультета психологии Томского государственного университета «Практическая психология достижений личности». Эта программа и обозначенная в статье схема холодинамического анализа транскомуникативных событий (встреч) становится сегодня основой формирования исследовательских проектов персонального и сетевого креативного лидерства (Кабрин, 2017).

Креативное лидерство в холодинамике коммуникативных миров самообновляющейся организации

Проблема качества существования и динамики развития любой *социальной организации* во многом определяется своеобразием взаимоотношений ее институциональных (официальных) и человеческих (неформальных) связей людей как сотрудников и как личностей. Если иерархическое административно-профессиональное функционирование организации документально регламентировано и регулируемо, то миры неофициальных человеческих отношений *образуют спонтанно-креативную стихию*. Она характеризуется социально-психологической самодостаточностью, но в силу своей спонтанной диффузности «неофициально» обволакивает и административно-профессиональную деятельность организации, образуя общую морально-психологическую атмосферу и динамику ее эмоционально-психологического климата. Эта неформальная, сугубо *человеческая* жизнь организации влияет на многие характеристики ее эффективности, а в случае хронических конфликтов и негативного отношения к характеру ее функционирования может приводить и к опасным нарушениям, и к тупиковым ситуациям в ее жизни в целом. Это общеизвестный факт.

Весь XX век характеризуется развитием множества социально-экономических, социо-культурных и социально-психологических подходов и моделей решения этого многогранного комплекса проблем. При этом современные обобщающие проекты, особенно в духе «творческого холизма», представляются вполне перспективным (Джексон, 2016; Жалевич, 2015; Акофф, Грибберг, 2009). Но остается все же нерешенной принципиальная проблема организационной экзистенции – проблема соразмерности, совместимости и синхронистичности *институционально-административной и персонально-трансперсональной жизни такого человеечно-бесчеловечно образования*.

Однако в современную постиндустриальную, а вскоре и постинформационную эпоху «идея университета» может стать общей метафорой полноценной жизни любой организации. Университет как архетипическая идея *всегда порождает перспективу единства* образования, науки, творчества в коллективном межличностном самоосуществлении. В связи с этим Р. Акофф и Д. Гринберг отмечают что «уже стало очевидным, что постиндустриальный образ жизни, безотносительно к охватывающей его культуре, придает большое значение таким ее видам, как *творчество, оригинальность, эстетическое удовлетворение, красота, понимание, любознательность, стройность мышления, мудрость*. Душа постиндустриального человека занята главным образом

постоянной, внутренне побуждаемой борьбой за открытие новых тайн, создание новых образцов, завоевание новых просторов разума» (Акофф, Гринберг, 2009.С.77).

Основной гипотезой нашего проекта становится предположение, что универсальным «образованием», в котором жизнь социальной организации и личности могут быть полноценно совместимы – это *коммуникативный мир как хронотоп ценностно-смысловых отношений*. Именно в них реализуется творческий процесс, объединяющий предназначение, исполнение миссии и личности, и социума (Кабрин, 2005, 2008, 2011б). В контексте этой идеи нетрудно представить и личность не как подкожное существо, а как созвездие коммуникативных миров, к которым она причастна, включая ее собственный персональный мир, и организацию как созвездие и холархию коммуникативных миров, в которых очень по-разному задействован ее персонал.

Модель творческой гармонизации субмировкоммуникативного мира университета. Возможно, будет достаточно драматичной гармония мира университета в силу контактно-конфронтационных напряжений между его оппонирующими «субмирами». Однако, из-за их взаимодействия и заинтересованности друг в друге, такая их транскомуникативная гармонизация приведет к плодотворной эмерджентности социально-психологической и духовной атмосферы коммуникативного мира университета в целом и его субмиров в соответствии с его официальным и духовным предназначением. Университет в качестве многоуровневого коммуникативного мира самоорганизуется и саморазвивается в контексте единого духовно-ценностно-смыслового поля, определяющего достойную избирательность и активность коммуникативных отношений со средой (Кабрин, 2005, 2008).

Поскольку аналогичными характеристиками обладают и персональные К-миры всех сотрудников, преподавателей и студентов, абитуриентов и выпускников, то существует потенциальная и реальная их соизмеримость и совместимость, а значит и возможность *персональной идентификации с высшими и актуальными ценностями университета*. Это может естественным образом приводить к гармонизации и синхронистичности (Юнг, 2010) разноуровневых транскомуникативных и транскомуникативных отношений. Такой духовно-психологический климат не может не сказываться на качестве жизни и творческой продуктивности. В этом контексте может быть решена сложнейшая экзистенциальная дилемма образования, сформулированная Р.Акоффом в 2009 г.: «Сегодня существует два разных мира, употребляющих слово *образование* в противоположных смыслах. Один мир состоит из школ, колледжей и университетов, составляющих наш образовательный комплекс, в котором преобладает стандартизация. В этом мире мегаструктура индустриального тренинга стремится выпускать идентичные образцы продукции, называемой «люди, получившие образование для XXI века». Второй мир – мир информации, знаний и мудрости, в котором находится реальное население, в то время, когда не отбывает заключение в школах. В этом мире обучение происходит, как всегда, а преподавание состоит в передаче мудрости, среди прочего, добровольным слушателям» (Акофф, Гринберг, 2009.С. 27).

Университет как многоуровневый коммуникативный мир образует динамичное *ценностно-смысловое единство* с его «*предельными элементами*» – *фракталами*, которые сохраняют существенные свойства целого – *персональных коммуникативных миров соучастников* творческой жизни. Такой взгляд на университет позволяет рассматривать этот саморазвивающийся коммуникативный мир с позиций современных *креативно-холистических моделей*, учитывая при этом его первичную ценностно-смысловую природу. «Творческий холизм» как новая *метафорическая парадигма* преодолевает на основе «*теории сложности*» (новой синергетики) ограничения традиционных функционально-механистических системных моделей социальных организаций (Джексон; 2016).

Учитывая *разнообразие* социальных организаций в связи с ростом их избирательных внешних и внутренних связей, М. Джексон предлагает перейти от жестких наукообразных

парадигм, характеризующихся взаимным отторжением и войнами, к *метафорам*, располагающим к креативной преемственности. Им предложено четыре основных взаимопреемственных принципа *холизма*, возможность реализации которого в анализе жизни коммуникативного мира университета видится перспективной, особенно в контексте проблемы развития креативного лидерства.

Принцип эмерджентной сложности предполагает качественную трансформативность организации при выведении ее на предельную дальность от центра равновесия. При этом в качестве диссипативной структуры (И. Пригожин) она становится чувствительной к «взмаху крыльев бабочки», но сохраняет свою ноэтическую ценностно-смысловую сущность, видимо, в качестве «*странного аттрактора*».

Принцип аттрактивности предполагает поиск латентного центра или вектора притяжения, удерживающего внешне хаотические динамизмы (холодаины) в *границах их общего аттрактора*.

Принцип фрактальности – самоподобия всех относительно артикулированных (оформленных) фрагментов разных уровней организации. Они не иерархически (опосредованно), а *холархически* (непосредственно) *подобны* и синхронистичны целому (особенно по смыслу).

Принцип архетипической символичности паттернов (относительно элементарных квантов холархии – холонов) проявляет себя в наличии на разных уровнях организации устойчивых паттернов персонального воображения и поведения, слабо рефлекслируемых, но энергетически и эйдетически хорошо ощутимых.

Предполагается, что потенциальная синхронистичность всех *процессов* жизни организации, названных здесь *принципиальными*, делает ее *элегантной, эстетически (этически) привлекательной* для ее сотрудников и стейкхолдеров даже в период «непостижимой» эмерджентности. Типичные немеханистичные метафоры, отмечаемые М. Джексоном, это – *организация как организм* со своими болезнями и способами их лечения; *психиатрическая больница*, где парадоксальным образом начальники лечат подчиненных – и наоборот. И если организация – это большой сумасшедший дом, то его подразделения (факультеты, кафедры и т.п.) похожи на «малые сумасшедшие домики», как и семьи. На «*вечном карнавале*» сотрудники и студенты разных уровней и курсов периодически «перелицовываются» (в том числе под видом магистерских программ и «стратегических академических единиц»), примеряя различные формальные и неформальные маски – роли себе и друг другу. Существуют, конечно, и метафоры «школы» с постоянным переучиванием компетенций и т.п.

Мы для дальнейшей интерпретации и проектирования креативного *лидерства* в неформальных структурах организации, определяющих ее не административный, а социально-психологический климат, предлагаем метафору – *университет как личность*. Еще К. Ясперс в «Идее университета» писал: «Жизнь университета зависит от личности, а не от институции, каковая является лишь предпосылкой. Поэтому об институции следует судить потому, может ли она привлечь лучших и создается ли она благоприятные условия для их исследований, коммуникации и учебы... неизбежно возникает напряжение, которое до тех пор, пока живет идея университета, должно вести к преобразованиям» (Ясперс, 2006. С. 97).

Кроме официального статуса, университет обладает индивидуально-своеобразным лицом со своей биографией, историей, культурой, витальностью, болезнями, развлечениями, трагедиями и праздниками. Но в отличии от предыдущих метафор, главное в ней – это *ценностно-смысловая одухотворенность и целеустремленность в контексте своего коммуникативного мира, т.е. мира персонифицируемых значимых коммуникативных отношений в своем внутреннем и внешнем жизненном хронотопе*. Организация и личность в этой метафоре не только соразмерны, но и едины. Это единство наиболее рельефно проявляется не в официальном со-управлении, а в креативном распределенном лидерстве. Можно вообразить «вулканическую энергию»

харизматического суперлидерства (Кабрин, 2015), *распределяющуюся* по интуитивно важным *аттрактивным* направлениям (ветвящегося суператтрактора) организации.

«Распределенная» идея исходного суперлидерства *децентрируется* и распределяется между инициативными, *аттрактивными* лидерами, одержимыми новыми векторами (аттракторами) полицентрического развития организации, во фрактально разнообразном и совместимом креативном ко-лидерстве проблемно-проектных групп. На этой основе мы можем перейти от классических альтернативных моделей к *единой холярхической модели преемственного полицентрического лидерства*.

Полицентрическая модель лидерства в эмерджентно развивающейся организации

Полицентризм – возможно одно из главных качеств *холистического* видения мира, что исходит из его *ноэтического* понимания. Один из ярких современных представителей такого понимания – П.Т. Шарден выразил это весьма исчерпывающе: «атомы – это центры универсума» (Шарден, 2012.С.225). Возможность представить холистическую сложность жизни организации по аналогии с жизнью личности ориентирует нас видеть феномен лидерства во всем разнообразии проявлений: холярхически – от организации целого до персоналий; холодинамически – в каждой фазе активности. Универсален здесь *концепт потенциализации*, разработанный нами применительно к анализу развития потенциала достижений личности. Он понимается как рост креативных возможностей личности в любых значимых ситуациях. Относительно группы, организации – ее потенциализация будет означать рост инициатив креативного лидерства, всегда соответствующего конкретной специфике обстоятельств и целей, а потому – *потенциально эффективного*.

Потенциализация креативности и потенциализация лидерства имеют общий глубинный корень – *Встречу с новым, неизвестным*. «Креатив» в отличие от «Стереопата» *открывается* навстречу неизвестному, и, чувствуя противоречие, *принимает* его с готовностью *инициативно* работать, контактировать с ним, т.е. «лидировать». Но в силу открытости риску он ориентирован и чувствителен также к отклику, «ответу» со стороны «неизвестного» (проблемы, незнакомца и т.п.), т.е. открыт *синхронной обратной связи* (СОС). Эти два фактора – чувствительность к принимаемым противоречиям (ЧП) и СОС – составляют условия маленького чуда настоящей Встречи – позитивную *стресс-транс-формацию* (СТФ) одного или обоих партнеров встречи как *момент их творческой эмерджентности*, т.е. рождение нового *трансмысла*, имеющего новую перспективу воплощения.

Важно подчеркнуть, что в ситуации СОС партнеры одновременно являются «лидерами положения», но в разных аспектах – а это креативная перспектива встречи. Как и встреча, креативное лидерство *всегда возможно, но никогда не гарантировано*. В этом сходство моментов творчества и лидерства. Очевидно, что это разные аспекты единого процесса встречи с неизвестным. Это происходит, когда образуется удивительная синхронистичность взаимной предрасположенности (готовности) партнеров и обстоятельств. Поэтому лидерство и администрирование (управление) оказываются часто несмешиваемыми процессами, которые, однако, можно сонастроить как взаимодополнительные. В этом, в частности, может быть основная миссия *руководителя* организации в качестве *лидера*.

Транскомуникативная холярхия лидерства

На основе четырехуровневой холярхической модели организации выявляются креативные типы лидерства, которые соответствуют уровню и масштабу «*ассимилируемых*» ими противоречий и создают необходимую *синтеграцию* (напряженное единство) (Джексон, 2016) коммуникативных процессов.

А. Эмерджентность организации в целом. Организация в данной определенности живет во *временной* период между эмердженциями, а затем может преобразиться в простейшем случае в свою противоположность на всех уровнях.

Эмерджентный лидер, наделенный эмерджентной креативностью, будет чувствовать узел противоречий и *время* их освоения, а также время неизбежной эмердженции. В этом смысле он заложник в борьбе вечных высших и сиюминутных актуальных ценностей жизни организации. По отношению к другим он будет выглядеть харизматичным (если убедителен) в принятии труднопредсказуемых решений, имеющих реальный риск не осуществиться, если в кризисе эмердженции система разрушится, «демонтируется». *Столкновение «вечных» и «моментальных» ценностей – стихия жизни этого уровня эмерджентного лидерства.*

В. Аттрактивность векторно напряженных пересекающихся пространств организации. Любая организация имеет векторы напряжения разной степени осознанности между следующими «областями ментальности»:

- между «чувствами корней» (пониманием неизбежной принадлежностик..) и пониманием миссии как достойной перспективы;
- между чувствованием «почти безграничных резервов» и пониманием ограниченности актуальных ресурсов;
- между уважительным отношением к выстраданным уважаемым традициям и уверенностью в необходимости создания прорывных проектов, ломающих старые устои и задающие новое движение организации;
- между богатым «заповедником» еще нереализованных идей, «альтернативных проектов» и чувствительностью к принципиально новым вызовам, «стучащимся» в двери организации.

Аттрактивно-креативный лидер, по-видимому, должен быть и одержимым (по-своему выдающимся), чтобы объять одно из четырех основных противоречий жизни организации и сделать их, таким образом, *синтегративными*. Необходим высокий уровень *аттрактивной креативности*, которая предполагает выраженную предрасположенность к *парадоксальной концептуализации*, т.е. к синтезу несовместимого или противоположенного. В каждой организации требуется поиск своих специфических аттракторов. Их может быть больше или меньше рассмотренных выше. Нам же представляется важным исследовать состояние именно данных биполярных аттракторов в качестве факторов «преемственного развития» *университета* (между эмердженциями).

С. Фрактальная динамика бесконечного информационного разнообразия основных функционально-оперативных образований организации. Выделим важные «*информационно-энергетические*» коммуникативные центры, которые находятся на векторах основных аттрактивных напряжений (см. пункт В).

1) на аттрактивной «*вертикали*» – *парадигме перспективы* – синтегративно противостоят (при взаимопроникновении) друг другу:

- коммуникативный мир, поддерживающий понимание и переживание значимости представлений о корнях жизнеспособности и принадлежности (например, к культурно-исторической, научно-образовательной элите страны и т.п.);
- коммуникативный мир, в котором обсуждаются новые перспективы и проекты, обеспечивающие реализацию предназначения и миссии и определяющие будущее организации, ее смысл и качество жизни.

2) на аттрактивной «*горизонтали*» – *парадигме существования* организации – противостоят при взаимопроникновении друг другу:

- коммуникативный мир, где обсуждаются сложные проблемы, выявления, актуальных трудностей и расширение *резервов* организации по разным направлениям в связи с выраженной проблемой *приоритетов*;

– коммуникативный мир, в котором остро обсуждаются вопросы оптимального задействования *наличных ресурсов* в приоритетных направлениях выживания и развития организации.

3) на аттрактивной «диагонали» – *глубинно-импрессивной* интегративно противостоят:

– коммуникативный мир, в котором активна перспектива углубленного обзора большого богатства идей, замыслов, проектов, почти «заготовок», которым надо найти достойное продолжение и применение;

– коммуникативный мир, где участники очень чувствительны к вызовам социума и понимают, что для соответствия этим вызовам нужны принципиально новые подходы, формулирование новых вопросов и задач разным функциональным центрам организации при принятии этих требований ситуации.

4) на аттрактивной «диагонали» – *достойно-экспансивного вектора прогресса* организации– совместно противостоят:

– коммуникативный мир, где обсуждаются и поддерживаются *лучшие традиции*, прошедшие проверку испытаниями и временем, которые олицетворяют внутреннее самоуважение и достоинство организации;

– коммуникативный мир, объединяющий людей проницательных, мыслящих будущим, инициативно создающих неожиданные *рискованные венчурные проекты* и готовых активно отстаивать необходимость их приоритетной реализации для выхода на новый уровень эффективности и качества жизни организации.

Креативный лидер фрактального уровня – это, как правило, «лидер мнения», генератор впечатляющих идей, замыслов, проектов, изобретений. Фрактально-генеративный лидер может чувствовать себя властителем или вестником определенного информационного потока, к которому пробуждена его интуиция. Поэтому он не скупится на «задумки» и стимулирует пробуждение своей особой креативной самостоятельности у других участников группы, подразделения или просто у единомышленников своего круга общения. Сам он – неутомимый *автор комбинаций, композиций, конструкций, решений*. Придать им изящную, эстетически правильную форму ему некогда, т.к. он не дизайнер.

Сложная, во многом даже подвижническая миссия креативного лидера *аттрактивного уровня В* заключается не только в том, чтобы найти общий язык с *генеративными лидерами* своего направления, но и открыть объединяющую и впечатляющую обоим свежую идею.

Д. *Паттернально-символическая динамика энергетически насыщенных экспрессивно-дизайнерских оформлений и форм представления основных дел и событий организации.* Потенциально организация для себя и для других может сверкнуть, блеснуть впечатляющим событием, фактом, достижением из любой точки ее многоуровневого и многогранного коммуникативного мира. В этом содержится реальный *полицентризм* организации. В предлагаемой здесь гипотетической схеме такой *сияющий ореол организации* отчетливо может возникать и обнаруживаться в связи с восемью полюсами ее аттрактивных направлений. Таким образом, можно рассматривать такие искрящиеся презентации как своеобразное продолжение и дизайнерское эстетическое заострение представленных здесь коммуникативных миров как информационно-энергетических центров.

1) *Ценностно-смысловая композиция миссии* организации может быть воплощена в виде захватывающей и впечатляющей «*Мистерии посвящения*». При этом ритуал посвящения будет по закону импринтинга формировать глубинную корпоративную мотивацию неофита.

2) *Эстетическая кристаллизация «Мифа происхождения»* (оживляемого в первом ритуале) может стать эмоционально-этической подпиткой многих сотрудников.

3) *Эффектная удачная реализация ресурсов* может содействовать эстетически дизайнерскому оформлению «Репутации», содействующей внешнему представительству организации.

4) *Внимательная эффективная работа с резервами* может продолжиться в оформлении *элегантного почетного архива* (подогреваемого «Репутацией»).

5) *Бдительное проектирование принятия новых социальных заказов и вызовов времени* может быть эффективно оформлено как *проницательная чувствительности мудрость в мониторинге грядущих вызовов*.

6) На противоположном полюсе аттрактора выше названная активность ведет к постоянному *переосмыслению и оценке богатства того, что уже задумано и неплохо*. «*Заповедник*» *сохранившихся идей и проектов* может вселять уверенность в принятии более сложных вызовов, если они будут оформлены более привлекательно.

7) *Поддержание жизнеспособности достойных традиций* может оформляться как *золотой фонд корпоративной культуры*, поддерживающий должное подобающее качество жизнедеятельности организации.

8) *Качество и реализуемость прорывных проектов* может быть эстетически оформлена как «*Авангард*», *символизирующий перспективу* реального развития организации в целом.

По характеру последних задач уже можно представить исключительную важность уникальной одаренности, талантливости, *архетипически персонифицированного авторства креативного символического лидера*, хотя он работает над приданием хорошей эстетически привлекательной значимой формы результатам работы всего коллектива. Без таких *романтических лидеров – мастеров символического дизайна* – облик организации может оказаться скучноватым, малопривлекательным для стейкхолдеров. Однако надо иметь в виду и опыт организаций «пустышек», «однодневок», начинающих свою деятельность с создания пышного, эффектного ореола, за которым еще или в принципе ничего нет. Пока не лопнет такой «мыльный пузырь» «организаторы» успеют отравить атмосферу и вызвать отвращение к таким фейерверкам как к набившим оскомину рекламам. Но это лишь заостряет проблему и необходимость поиска настоящего дизайнера для реальных достижений организации.

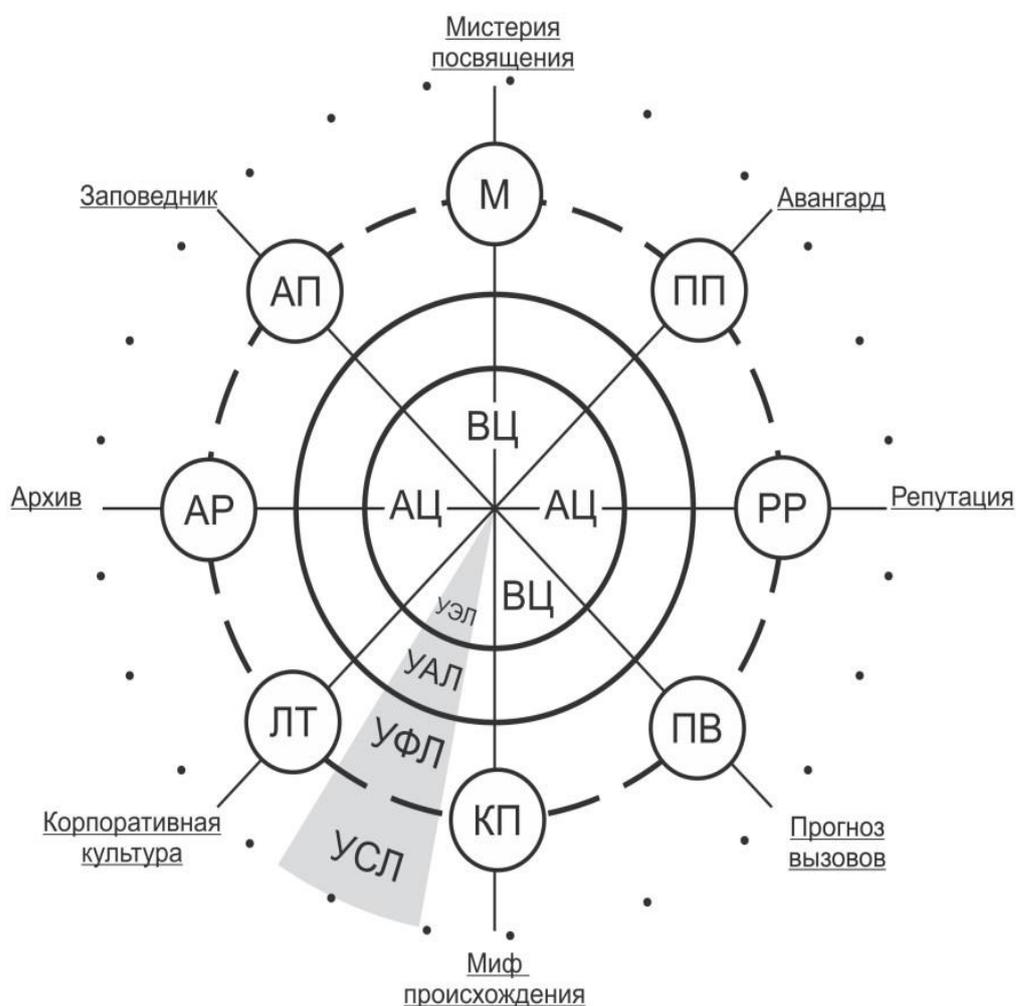
Мы также не считаем этот символично-дизайнерский представительский уровень жестко структурированным, т.е. выделенные по принципу обобщения и иррадиации восемь *коммуникативных полей* не привязаны к отдельному коммуникативному центру, от которого они могли бы быть производными. Но, видимо они вбирают в себя символизм других центров, поэтому их локализации в предлагаемой ниже схеме условна и может быть как бы «плавающей».

Обобщая возможности анализа полицентрического креативного лидерства в организации, мы предлагаем его коммуникативно-холистическую модель. Она представлена в форме концентрических кругов, означающих уровни организации и соответствующие холистические типы креативного лидерства.

При этом *аттрактивный уровень организации* целесообразно отобразить в виде *векторов*, что делает модель в целом более экспрессивной. Поэтому мы отказались изображать все возможные связи между всеми факторами модели (образующими *полный граф*) для сохранения рельефности и более существенной наглядности (рис.1).

Рисунок 1.

Полицентрическое лидерство в коммуникативных мирах самообновляющейся организации

Принятые сокращения (приводятся в соответствии с оппонирующими аттрактивными полями): **ВЦ** – высшие ценности и **АЦ** – актуальные ценности; **М** – миссия университета и **КП** – корни выживания и принадлежность; **РР** – реализуемые

ресурсы и **АР** – актуальные резервы; **АП** – альтернативные проекты и **ПВ** – принятые вызовы; **ЛТ** – лучшие традиции и **ПП** – прорывные проекты.

Уровни: **УЭЛ** – уровень эмерджентного лидерства; **УАЛ** – уровень аттрактивного лидерства; **УФЛ** – уровень фрактального лидерства; **УСЛ** – уровень символического лидерства.

В самом начале мы высказали предположение, что в обществе будущего возможно сам университет как идея станет моделью создания самообновляющихся организаций, строящихся на принципах холистического полицентризма. Предложенная модель прежде всего может стать основой исследовательских и экспериментальных программ. Все названные факторы могут быть превращены в схемы опросников и глубинных интервью, схемы контент-анализа релевантных проблеме текстов. Результаты исследования могут составить портрет университета в заданном ракурсе. На этой основе может быть создана экспериментальная программа работы координационных центров, дискуссионных групп согласно уровням модели, а также межгрупповых дискуссий по проработке проблемных связей между разными коммуникативными мирами университета. Кроме конкретных эффектов оптимизации коммуникаций такая акция может придать ощутимый новый мотивационный импульс в консолидации усилий для действенного самообновления. С другой стороны это открывает перспективу сравнительного и прогностического исследования заинтересованных организаций не только университетского типа.

Литература

- Акофф Р. Гринберг Д. Преобразование образования. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2009. 196 с.
- Активное воображение. Юнгианский подход / под ред. Б. Дорст, Р. Фогеля. Харьков : Гуманитарный Центр, 2016. 200 с.
- Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб : Речь, 2003. 368 с.
- Ассаджиоли, Р. Психосинтез: принципы и техники. М. : Психотерапия, 2008. 384 с.
- Бендас Т.В. Психология лидерства. СПб:Питер, 2009. 448 с.
- Буш Г. Диалогика и творчество. Рига. : АВОТС, 1885. 318 с.
- Виртц У., Цобели Й. Жажда смысла. Человек в экстремальных ситуациях. Пределы психотерапии. М. :Когито-Центр, 2014. 328 с.
- Галажинский Э.В. Университет как смысл жизни // Экономические стратегии. Т.17. № 3 (129). 2015. С. 116 – 117.
- Генисаретский И.О. Философия проектности. Из истории проектной культуры второй половины XX века. М. :Ленард, 2016. 400 с.
- Герген К. Дж. Социальная психология как история // Социальная психология. Хрестоматия. Сост. : Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. М. : Аспект Пресс, 2003. 475 с.
- Гроф Ст. За пределами мозга. М. :Издательство Трансперсонального института, 2005. 504 с.
- Гроф Ст. Путешествие в поисках себя. М. : Изд-во Трансперсонального Института, 1994. 342 с.
- Делёз Ж. Логика смысла, М. Фуко *TheatrumPhilosophicum*. М. : Раритет, Екатеринбург : Деловая книга, 1998. 480 с.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. Ризома. Введение. 1976. Эл.ресурс. Режим доступа: // https://vk.com/doc184482549_189854454?hash=fad6578b6e212adfe0&dl=98694f379ecda7539e (дата обращения 03-11-15)
- Демьянков В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: Сборник статей в честь академика Н.Ю. Шведовой. М. : Азбуковник,

2007. С. 606 – 622.

Джексон М. С. Системное мышление: Творческий холизм для менеджеров / науч. ред. и пер. с англ. Ф.П. Тарасенко. Томск : Изд. Дом Том.гос. ун-та, 2016. 404 с.

Жалевич А. Мудрость лидера. М.: Эксмо, 2015. 640 с.

Интервью главного редактора А. К. Ключева с экспертом Э. В. Галажинским «Как будет меняться управление университетами» // Университетское управление: практика и анализ. № 1 (101). 2016. С. 6 – 7.

Искусство мыслить: Г. Уоллес о четырех этапах творчества. 1926. Режим доступа: // <https://monocler.ru/iskusstvo-myishleniya-grem-uolles-o-chetyiryoh-etapah-tvorchestva/> (дата обращения 15-09-16)

Кабрин В.И. Исследование самореализации личности в структуре коммуникативного мира: диссертация ... канд. психол. наук. Ленинградский гос. университет, Ленинград. 1978.

Кабрин В.И. Транскомуникация и личностное развитие. Томск : Издательство Томского государственного университета, 1992. 256 с.

Кабрин В.И. Психологический универсум человека ноэтического // Психологический универсум человека ноэтического / под ред. В.И. Кабрина, Э.И. Мещеряковой. Сб. статей. Томск : Водолей, 1999. 384 с.

Кабрин В.И. Ноэтическое измерение в психологии человека: новое и вечное // Сибирский психологический журнал. № 12. 2000.С. 23–28.

Кабрин В. И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М. :Смысл, 2005. 248 с.

Кабрин В.И. Транскомуникативный основания анализа ценностного мира человека // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей. М. : Из-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 124 –123.

Кабрин В. И. Комплекс психологических практик развития психологического потенциала достижений личности. Томск : Издательство Томского государственного университета. 2011а. 116 с.

Кабрин В.И. Концепция творческой коммуникации (из опыта психологических практик) (статья) // Сибирский психологический журнал, № 40. 2011б. С. 152 – 164.

Кабрин В.И. Антропологическая или ноэтическая эмерджентность сознания 3.0 // Сибирский психологический журнал № 50. 2013. С. 17 – 37.

Кабрин В.И. Специфика синергии ценностных и когнитивных процессов в концептуальном развитии творческой личности // Вестник Томского государственного университета. № 379. 2014а. С. 175 – 180.

Кабрин В.И. Транскомуникабельность ценностно-смысловых концептов и когнитивно-конструктивных решений творческой личности (введение в ноэтический антропоэзис) // Сибирский психологический журнал. 2014б. № 54. С. 158 – 176.

Кабрин В.И. Креативное лидерство: транскультуральная перспектива // Сибирский психологический журнал. № 58. 2015. С. 121 – 136.

Кабрин В.И., Сметанова Ю.В., Звездина Е.А. Пилотное исследование транскультуральной психосемантики личностно значимых коммуникативных миров инновационно- и предпринимательски ориентированной молодежи // Вестник Томского государственного университета. 2015а. № 394. С. 211–219.

Кабрин В.И., Сметанова Ю.В., Звездина Е.А. Сравнительное исследование психосемантики тенденций развития предпринимательства в сибирском регионе в транскультуральном контексте // Вестник Томского государственного университета. № 399. 2015б. С. 228 – 236.

Кабрин В.И. Креативное лидерство в холодинамике коммуникативных миров самообновляющейся организации // Сибирский психологический журнал. № 63. 2017. С.170 – 183.

Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах и проблемы становления

- ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск : Томский государственный университет, 2005. 174 с.
- Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Психология инновационного поведения. Томск, 2009. 240 с.
- Князева Е. Н. Возвращение к единству: методологические аспекты эволюционного холизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 3. С. 23-35.
- Крегер О., Годстайн Д. Творческая личность: как использовать сильные стороны своего характера для развития креативности. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014. 416 с.
- Крегер О., Тьюсон Дж. Типы людей. 16 типов личности, определяющих, как мы живем, работаем и любим. М. : Персей, Вече, АСТ. 544 с.
- Кудряшова Е.В. Лидерство как предмет социально-философского анализа. Дисс. докт. филос. наук. М. 1996. 359 с.
- Липтон Б., Бхаэрман С. Спонтанная эволюция. Позитивное будущее и как туда добраться. Киев : София, 2010. 576 с.
- Луиджи З. Созидание души. М. ПЕР СЭ, 2004. 205 с.
- Любарт Т. Психология креативности. М. :Когито-Центр, 2013. 215 с.
- Малоун Т. Ключевые способности для распределенного лидерства. Эл.ресурс. Режим доступа: // http://www.elitarium.ru/2009/12/25/raspredelennoje_liderstvo.html. (дата обращения 16-01-14)
- Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М. : Альпина Нон-фикшн. 2011. 496 с.
- Менухин И. И лежащий в пыли человек может быть великим // Книга знаний: Беседы с выдающимися мыслителями нашего времени. М. : Прогресс-Традиция, 2010. С. 242 – 264.
- Мерфи М. Будущее тела. Исследование дальнейшей эволюции человека. М. : РИПОЛ классик, 2010. 912 с.
- Микалко М. Креативный взрыв. Минск : Попурри, 2014. 256 с.
- Мишлав Дж. Корни сознания. Киев : София, 1995. 416 с.
- Моль А. Социодинамика культуры. М. : Изд-во ЛКИ. 2008. 416 с.
- Мэй Р. Мужество творить: Очерк психологии творчества. М. : Институт общегуманитарных исследований, 2012. 160 с.
- Налимов В.В. Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.
- Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М. : Академический проект, Парадигма, 2011. 399 с.
- Николаева Е. В. От ризомы и складки к фракталу // Вестник северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. Вып. 2. С.114 – 120.
- Николаева Е.В. К типологии фракталов и теории культуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. Вып. 13 (304). С. 127 – 134.
- Нойман Э. Происхождение и развитие сознания. М. :Рефл-бук, Ваклер, 1998. 464 с.
- Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М. : Новый хронограф, 2010. 440 с.
- Поддьяков А.Н. Компликология. Создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей. М. : Издательство Дом Высшей школы экономики, 2014. 278 с.
- Пути за пределы «Эго»: трансперсональная перспектива / под ред. Р. Уолша и Ф. Воон. М. : Изд-во Трансперсонального Института, 1996. 318 с.
- Роджерс Н. Творческая связь. Исцеляющая сила экспрессивных искусств. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2015. 336 с.
- Роджерс К. Становление личности : Взгляд на психотерапию. М. : Эксмо-Пресс, 2001. 415 с.

- Свасьян К.А. Проблема символа в современной философии (Критика и анализ) М. : Академический Проект; Альма Матер, 2010. 224 с.
- Свасьян К.А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. М. : Академический Проект, 2010. 206 с.
- Тиллих П. Мужество быть. М. : Модерн, 2011. 240 с.
- Уайт Дж. Просветление и иудейско-христианская традиция // Что такое просветление? Исследование цели духовного пути. М.: Изд-во трансперсональной психологии, 1996. С. 181 – 193.
- Уилбер К. Интегральное видение. Краткое введение в революционный подход к жизни, Богу, вселенной и всему остальному. М. : Открытый Мир, 2009. 232 с.
- Уилбер К. Краткая история всего. М. : Постум, 2016. 624 с.
- Финкельштейн С., Лотон Т., Харви Ч. Стратегия прорыва. М. :CompanionGroup, 2007. 336 с.
- Что такое просветление? / под.ред. Дж. Уайта. М. : Изд-во Трансперсонального Института, 1996. 326 с.
- Шарден Т.Д. Феномен человека. М.: АСТ, Астрель, Полиграфиздат, 2012. 381 с.
- Шелдрейк Р. Новая наука о жизни. М. : РИПОЛ классик, 2005. 352 с.
- Юнг К. Г. Синхрония: акаузальный объединяющий принцип: сборник статей. М: АСТ, 2010. 347 с.
- Юнг К.Г. Структура психики и архетипы. М. : Академический проект, 2013. 328 с.
- Ясперс К. Идея университета. Минск : изд-во Белорус.гос. ун-та, 2006. 159 с.
- Beer S. Beyond Dispute: The Invention of Team Syntegrity. John Wiley& Sons, Chichester, UK. 1994.
- Lloyd B. A new approach to leadership // Leadership and organizational development journal, 1996. Vol. 17.N 7. P. 29-32.
- Malone T.W., Laubacher R, Morton M. Inventing the Organizations of the 21st Century. CambridgeMA :MITPress, 2003. 456 p.
- Manz C., Sims H. Leading Workers to Lead Themselves: The Eternal Leadership of Self-managed Work Teams // Administrative Science Quarterly. 1987. № 32.
- Mead G. Mind, Self and Society. Chicago, 1934.
- Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Switzerland, Genève, Cologny :World Economic Forum (January 11, 2016). 2016. 199 p.

